

Д М И Т Р И Й
М И Х А Л Е В С К И Й

ПРОСТРАНСТВО И БЫТИЕ

Дмитрий Михалевский

**Пространство и
Бытие. Сборник статей**

«Алетейя»

2017

УДК 114
ББК 87.21

Михалевский Д. В.

Пространство и Бытие. Сборник статей / Д. В. Михалевский —
«Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-86-8

В сборнике представлены работы разных лет, посвященные широкому кругу проблем, связанных с темой пространства как философской и культурологической категорией. Михалевский является автором концепций парадигмы пространственной многомерности и парадигмального цикла. Автор предлагает новый взгляд на развитие сознания, социума и истории культуры, которые представляют взаимосвязанный фрактальный процесс. Обоснование выдвигаемых теоретических положений дается на обширном фактологическом материале. Ряд статей посвящен истории театра, который, по мысли автора, играл в древнегреческой истории особую роль инструмента личностного развития человека и, по сути, определил уникальность европейской культуры и цивилизации. В сборник также включены материалы по научно-практическому проекту «АРХЕ», в рамках которого была предпринята попытка осуществить выдвигаемые теоретические положения на практике. Книга адресована как профессиональным философам, методологам науки, историкам, культурологам, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами гуманитарного и общественного знания.

УДК 114
ББК 87.21

ISBN 978-5-906910-86-8

© Михалевский Д. В., 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Благодарности	7
Введение в пространствоведение или новый подход к наукам о человеке и обществе	11
Теоретические работы	22
Парадигма пространственной многомерности[18]	22
I	22
II	25
III	30
Периодизация развития человека на основе парадигмы пространственной многомерности	39
I	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Васильевич Михалевский

Пространство и бытие

Сборник статей

Посвящается светлой памяти

Базанова Вадима Васильевича;

Глаголевой Веры Сергеевны и Шушкова Александра Геннадиевича

Рекомендовано к изданию решением Секции «Российская энциклопедия» Петербургского отделения РАЕН (Протокол № 1 от 23.01.2017 г.)

*Работа выполнена в рамках научно-исследовательской программы
Благотворительного Фонда «АРХЕ»*

Благодарности

Публикация статей, написанных в различные годы, предоставляет счастливую возможность еще раз вспомнить о людях, которые на разных этапах моей жизни оказывали поддержку имевшую, подчас, решающее значение для моей дальнейшей судьбы, и выразить им искреннюю благодарность. Прежде всего, я хочу сказать о тех, кому посвящена эта книга.

ШУШКОВ Александр Геннадиевич. В конце 80-х годов он вытащил меня из пучины дразг, развернувшихся вокруг меня в Государственном оптическом институте, где я работал инженером. Этот конфликт в значительной мере был спровоцирован успехами моей сценической деятельности, которая, впрочем, никак не мешала основной инженерной работе. Не испугавшись дополнительных проблем, Шушков забрал меня в сосновоборский филиал ГОИ, которым руководил в то время, и предоставил уникальную возможность заниматься разработкой аппаратуры для лазерных зрелищных программ. Результаты той работы получили признание. Созданная мной аппаратура демонстрировалась как достижение отрасли на международных выставках в Москве и за границей (куда меня показательно не пускали). Это были на редкость продуктивные годы моей жизни, а полученные результаты создали практическую базу для исследований в области восприятия пространства. После неожиданной смерти Александра Геннадиевича, оставившей много вопросов, мне пришлось из ГОИ уйти. Впрочем, жизнь, как и положено, все расставила по своим местам. Наши высокопоставленные оппоненты развалили институт, созданный героическим подвигом СИ. Вавилова, но это, как говорится, другая история... Сегодня, оглядываясь назад, я рад, что тогда, в условиях острейшего противостояния, мне встретился этот незаурядный человек, что он поверил в меня, а я смог оправдать возложенные на меня надежды.

ГЛАГОЛЕВА Вера Сергеевна. Мы познакомились в конце семидесятых, когда Вера Сергеевна была главным редактором журнала «Сценическая техника и технология». Я тогда писал о своих лазерных успехах и о состоянии этой отрасли за рубежом. Как трудно мне давались первые статьи! Помощь Веры Сергеевны на этом этапе была решающей. Позже появился российско-французский журнал «Сцена», и Вера Сергеевна стала директором редакции. Я начал писать по теории театра. Все годы нашего сотрудничества Вера Сергеевна не просто принимала для публикации мои материалы, профессионально редактировала их, но активно стимулировала написание новых. Именно Вера Сергеевна подвигла меня приняться за написание главы о древнегреческом театре для книги «Мистерия театра», уже принятой к публикации в издательстве «Судостроение» (ведущем издательстве Санкт-Петербурга в конце 90-х годов). Исследование древнегреческого театра привело меня к череде открытий, составивших основу разрабатываемой мной теории. Некоторые из текстов тех лет публикуются в этом сборнике.

БАЗАНОВ Вадим Васильевич. Вскоре после нашего знакомства в начале 80-х, Вадим Васильевич пригласил меня в аспирантуру на возглавляемую им кафедру постановочной техники и технологии в ЛГИТМиК. Я активно писал, исследуя заинтересовавший меня вопрос о традиции развития театра, которая привела к появлению современных зрелищных форм. К сожалению, итоговая работа была признана «слишком междисциплинарной» и не соответствующей требованиям Ученого совета института. Но все годы нашего знакомства Вадим Васильевич был мне добрым другом и собеседником, с которым я имел счастливую возможность обсуждать самые крамольные идеи, которые рождались в моей голове в то время. Результаты той работы представляют интерес до сих пор и я включил их в статьи цикла «Несколько раз-

мышлений о пространстве», расширив, тем самым, вариант ранее опубликованный в журнале «Сцена».

К моему сожалению, эти люди ушли из жизни, но память о них навсегда останется со мной, неизменно вызывая самые добрые чувства.

Михаил ФРАДКИН. Мой старейший верный друг, с которым мы учились вместе, начиная с третьего класса, в 24-й средней школе на Васильевском острове. А потом мы вместе поступили в Политехнический институт на факультет радиофизики в группу квантовой электроники. По окончании, я был распределен в ГОИ, а Миша, претерпев немало мытарств, организовал свою компьютерную фирму, которая благополучно существует до сих пор. Человек редкой душевной широты, готовый помочь в трудную минуту, он поддерживает несколько семей ушедших из жизни одноклассников. И мне приходилось обращаться к нему за поддержкой, которая бывала критически важна в непростые 90-е годы, и я никогда не получал отказа. В такие моменты судьба может с легкостью перевести стрелки на иные рельсы, уводящие прочь от желаемой цели. Так что Миша для меня выступал в роли настоящего ангела-хранителя и потому имеет самое непосредственное отношение к представленным в этой книге результатам.

Евгений СМИРНОВ. Человек, интересы которого, кажется, не имеют границ, но при этом неизменно сохраняющего серьезный профессионализм. Человек-генератор, настоящий кладезь идей, щедро дарящий их своим знакомым и друзьям. Мой лучший спарринг-партнер, дискуссии с которым неизменно превращаются в сеансы мозгового штурма, в ходе которых рождаются новые мысли. Евгению свойственно запоминать много из того, что я забываю, и спустя какое-то время он возвращает мне это в виде наказа к исполнению. Именно так, как его категоричное указание к реализации забытой мной идеи, появился на свет «Манифест пространства».

Джеймс ФРАНКЛИН. Театральный художник по свету с мировым именем, профессор университета штата Коннектикут, с которым мы познакомились в доме у В. В. Базанова и постепенно стали настоящими друзьями. Джеймс помогал мне писать по-английски «Манифест пространства» и это не были простые переводы: он предоставлял мне возможность осмыслять свои тексты в контексте иной ментальности. Он знакомил меня со своими друзьями профессионалами театра, раскрывал секреты этого мира и организовывал поездки по США, проявляя при этом редкую заботу, даже на больших расстояниях отслеживая каждый мой шаг по интернету. Принадлежность Джеймса другой культуре, его профессионализм и дружественная открытость позволили мне сформировать еще одну точку отсчета, которая так важна при попытках объективно исследовать явления культуры.

САВКИН Игорь Александрович. Издатель. Одиссей. Друг. Один из реликтов той далекой эпохи, когда книги ценились как хранилища мудрости. Упорно, вопреки жестким реалиям дня сегодняшнего, продолжающий издавать умные книги. Чтобы поддерживать на плаву свое издательство «Алетейя», носящее имя древнегреческой богини Истины. Игорь вынужден находиться в непрерывном поиске новых проектов, заказов и новых авторов, пересекая для этого бесконечные расстояния и бескрайние пространства. Глубокий умный человек, с которым всегда интересно не просто поговорить, но обсудить самые сложные вопросы, возникающие при работе над книгой. Более того, он щедр на контакты людей, которые могут дать еще более развернутую информацию. В этой щедрости Игорю нет равных. Именно Игорь настоял на первой для меня поездке в Грецию, когда я работал над книгой «Неизвестная Античность». Там он

познакомил меня со своими многочисленными друзьями, которые, в свою очередь, помогли мне понять и познать эту страну, а также приняли участие в проекте «АРХЕ».

ГИМАДЕЕВ Рустэм Анасович. Это человек, с которым меня познакомил Савкин, и тот самый «друг», которому я совершаю первый звонок, когда наталкиваюсь на какую-либо проблему в работе над материалом. При этом тематика не имеет значения. Энциклопедизм Рустэма поражает. У собеседника легко создается впечатление, что широта и глубина его знаний безграничны. А если возникает редкая заминка, то Рустэм снимает с полки необходимый томик и тогда поток информации выходит из берегов. Человек пишущий на сложные темы с легкостью поймет, какое это счастье иметь рядом такого человека.

ИВАШИНЦОВ Дмитрий Александрович. В прошлом генеральный директор Всесоюзного НИИ гидротехники, заслуженный деятель науки, с которым меня также познакомил Игорь Савкин, представился мне как человек занимающийся проблемами культуры, руководитель Международной ассоциации «Русская культура» и главный редактор альманаха «Русский мир». Глубокий и творческий человек, поэт – редкий сплав «физика» и «лирика» в одном лице – он понял смысл моих исследований лучше многих гуманитариев. Мои статьи были опубликованы в первых номерах альманаха. Но я прежде всего благодарен Дмитрию Александровичу за его доброе отношение ко мне и поддержку моих проектов.

Михаил ШЕМЯКИН. Мы встретились с Михаилом на выставке «Non-Fiction 7» в ноябре 2005 года на стенде издательства «Алетейя». Его внимание привлекла моя книга «Неизвестная Античность», вошедшая в топ-лист выставки. Михаил предложил мне провести презентацию книги в его фонде, что положило начало проекту «АРХЕ». Этот проект, который длился несколько лет, стал этапом в моей жизни, и я благодарен Михаилу Шемякину за него.

ВОДОЛАГИН Александр Валерьевич. Игорь Савкин познакомил нас на одной из выставок «Non-Fiction». Александр Валерьевич, заведующий кафедрой философии РГСУ, крупнейшей на тот момент кафедры философии в стране, полистал мою «Неизвестную Античность» и сказал, что это готовая диссертация. К тому времени, после двух безуспешных попыток защитить диссертацию (по физике и искусствоведению) я зарекся на это занятие время больше не тратить. Но буквально накануне этой встречи произошло одно неприятное событие. Организованное для меня Джеймсом Франклином чтение лекций в университете штата Коннектикут провалилось из-за отклонения моих документов московским офисом программы Фулбрайт по причине отсутствия у меня ученой степени. Надо сказать, что художникам по свету, каковым я выступал в качестве претендента на грант Фулбрайт, ученая степень не присваивается. А потому несправедливый отказ поднял во мне волну чувств, которые в Древней Греции назывались агональными, и когда Водолагин сделал мне предложение, я принял его без колебаний. Я не подозревал во что я ввязываюсь. Тогда я не мог предположить, что мне придется переработать весь материал и написать много нового, что за четыре года у меня сменится четыре руководителя, и что на защите ситуация перевернется с ног на голову и меня поддержит «старая гвардия», а академическая «молодежь» ополчится против меня. Тем не менее, все закончилось наилучшим образом, и я благодарен Александру Валерьевичу за этот поворот моей судьбы.

ФУРСЕЙ Георгий Николаевич. Академик, профессор, Вице-президент и председатель Санкт-Петербургского отделения РАЕН. Выдающийся физик, он активно вовлечен в деятельность по защите отечественной культуры и образования. Человек уникальной судьбы, Георгий Николаевич распространяет на окружающих магию своей доброты и душевной щедрости. Мне

повезло, что Георгий Николаевич проявил интерес к моим проектам и встречи с ним каждый раз дают новый импульс к движению вперед.

И наконец, моя семья. Это мой надежный тыл. Без этого тыла я бы не сделал и малой толики того, что мне удалось в жизни. Об этом можно говорить много. Но я думаю, что мне придется написать еще ряд книг, чтобы посвятить их моим близким.

Если бы в моей жизни не было этих людей, то она определенно сложилась бы иначе, и, скорее всего, предлагаемая вашему вниманию книга никогда бы не увидела свет.

А недавно я прочитал где-то, что дольше других живут, прежде всего, те люди, у которых есть друзья, с которыми они могут общаться. Спасибо я вам за то, что вы есть! Я вас всех помню. Часто думаю о вас. Чаше, чем мы общаемся. И желаю вам всем здоровья и счастья. Храни вас Бог!

Введение в пространствоведение или новый подход к наукам о человеке и обществе

*Есть вещи очевидные. Есть вещи непостижимые. В стремлении
все упрощать и адаптировать к привычному, нам свойственно полагать
вторые за первые. К числу таковых относится пространство.
«Манифест пространства»*

Пространство – настоящий «герой нашего времени», герой эпохи, называемой Новейшее время. Примерно сто лет назад, с началом этой эпохи, именно пространство, в котором физики впервые увидели самостоятельный объект, совершило революцию в естественных науках, прямым следствием которой, в свою очередь, стал беспрецедентный научно-технический прогресс. Пространственная революция в искусствах началась еще раньше – в эпоху итальянского Возрождения, но ее пик совпал также с началом двадцатого столетия, породив новые художественные формы; в сфере наук о человеке и обществе интерес к пространству возник тогда же, и с тех пор этот интерес неуклонно возрастает. Сегодня пространство стало одним из самых популярных понятий, поскольку предполагается, что любая деятельность и любые процессы протекают в своих пространствах.

В социально-политической сфере доминирует концепция глобализации, непосредственно связанная с пространством; философия полагает пространство, наряду со временем, фундаментальной категорией; наконец, наш язык построен на пространственных соотношениях, которые с особой наглядностью зафиксированы в предлогах – на, под, перед, за, из, в... – да и не только в предлогах. Но что стоит за всем этим? Что это значит для нас и каким образом связано с нами? Почему в Древней Греции существовал бог времени Хронос (значимость которого определяется его положением в начале времен), но отсутствовал бог пространства? Более того, в те времена не было не только бога, но и соответствующего термина для обозначения пространства! Но почему, в таком случае, мы столь энергично навязываем собственные пространственные представления нашим далеким предкам? А что стало причиной актуализации пространства чуть более ста лет тому назад? И если пространство так важно для нашего нынешнего бытия, то почему не существует соответствующей научной дисциплины, «пространствоведения»? Почему существует как официальная структура «Институт времени», но до сих пор не создан «Институт пространства», несмотря на то, что проблемы ориентации в пространстве относятся к числу стратегически важных? С чем связана такая пространственная «слепота» и «немота»? В чем причина того, что пространство остается «неизвестным героем» на протяжении всей истории человечества?

Одна из главных проблем пространства заключается в том, что пространство представляется чем-то очевидным, само собой разумеющимся. И так свойственно полагать не только рядовым обывателям, но и многим ученым мужам. Сегодня практически все убеждены в том, что бытие протекает в пространстве, которое объемлет все и включает все, дается нам изначально и, похоже, существует вечно. Так считал еще Пифагор и с тех пор, похоже, мало что изменилось. А мы так устроены, что любая очевидность, любая обыденность очень быстро начинают казаться ничтожными. В таком случае нечего популяризировать, а тем более делать предметом серьезного научного изучения. Впрочем, при более внимательном рассмотрении оказывается, что эта «очевидность» обладает весьма нетривиальными свойствами. И эти свойства предполагают еще один вариант ответа на вопрос о причинах «неоцененности» пространства.

Дело в том, что *пространство находится за пределами нашего чувственного восприятия*. Повседневная привычка и распространенные стереотипы скрывают факт отсутствия у человека

органа, ответственного за восприятие пространства. В результате, *пространство, как объект, в спектре наших чувственных восприятий отсутствует*. Отсутствует полностью... Но что тогда есть «пространство», в знании которого мы столь убеждены?.. Этот вопрос оборачивает кажущуюся очевидность другой стороной – своей противоположностью, каковая есть загадка.

Сто лет назад, в 1913 году тридцатитрехлетний ассистент неврологической клиники Гейдельберга, Карл Ясперс, опубликовал фундаментальный труд под заголовком «Общая психопатология». В нем он, в частности, писал: «Пространство и время *всегда присутствуют* в области чувственного восприятия. Сами по себе они не являются первичными объектами, но облачают собой всю объективную действительность. Кант называет их „формами созерцания“. Они *всеобщи*. Не существует чувственных восприятий, воспринимаемых объектов или образов, которые были бы свободны от них. Все приходит к нам в пространстве и времени и переживается только через эти две категории. Наши чувства не способны преодолеть пространственно-временное переживание бытия; мы ни при каких обстоятельствах не можем от него ускользнуть и всегда ограничены им. **Пространство и время не воспринимаются сами по себе – и с этой точки зрения они отличаются от других объектов; но мы воспринимаем их вместе с объектами...** Пространство и время не существуют как „вещи для себя“; даже будучи пусты, они даются нам в связи с объектами, которые их наполняют и ограничивают.

Пространство и время, исконные и не из чего не выводимые, всегда присутствуют как в аномальной, так и в нормальной психической жизни. *Они никогда не могут исчезнуть. Модифицироваться могут только способы, посредством которых эти категории являются восприятию, способы переживания этих категорий, оценки их меры и длительности* [выделено мной – Д. М.]»¹.

Следует извиниться за длинную цитату, но точность и емкость формулировок, а также фундаментальность идей Ясперса заслуживают того, чтобы внимательно прислушаться к его мнению. Ясперс не был первым, кто был столь радикален. Но он был первым профессиональным психологом, т. е. профессионалом в сфере исследований человеческого восприятия, а не философом или физиком.

Из сказанного Ясперсом можно сделать вывод, значение которого принципиально важно для дальнейшего хода рассуждений: пространство, с которым мы имеем дело, в действительности является симулякром, неким фантомом, продуктом нашего сознания. Иными словами, в нашем – антропном – представлении, *пространство есть понятие без объекта*. И потому мы можем говорить только о *субъективном* пространстве в разных его вариациях (относительное, антропное, социальное и проч.), а про пространство реального мира, находящееся за пределами нашего опыта, вообще ничего определенного напрямую сказать нельзя. Впрочем, эта идея не нова – примерно о том же самом говорил еще сэр Исаак Ньютон – но мы как-то привыкли полагаться на себя. Особо подчеркнем: здесь не идет речь о попытках отрицания существования пространства, как такового. **Пространство реального мира является объективной реальностью, которая, однако, остается недоступной нам в силу ограниченности чувственных ощущений, и о которой мы можем строить только умозрительные предположения.**

За последние десятилетия психологией получено большое количество экспериментальных данных, убедительно указывающих на опытное происхождение представлений о пространстве. Эти результаты, впрочем, не принимаются всерьез, по-видимому, в силу слабости позиций психологии как серьезной науки. Защитить же эмпирическую позицию в рамках философии чрезвычайно трудно. А потому, рационалистическая позиция уверенно сохра-

¹ Ясперс К. Общая психопатология. – М.: Практика, 1997. – С. 113.

няет свое доминирующее положение. Соответственно, пространство продолжает трактоваться, прежде всего, как математическая структура, которая допускает физические интерпретации. «Существует несколько математических моделей пространства, различающихся в описании как его глобальных (метрика), так и локальных (непрерывность, размерность, кривизна) свойств, – пишет в своем обзоре развития идей о происхождении пространственных представлений А. Ю. Сторожук, – Конкретная модель выбирается так, чтобы она была согласована с другими теоретическими представлениями чисто физического характера, главные из которых – требование сохранения инвариантности определенных законов относительно пространственных преобразований и стремление избежать бессмысленных значений переменных»². При этом ни у физиков, практикующих исключительно рационалистический подход, ни у стремящихся подражать им гуманитариев не возникает мысли о том, что модель, которая видится им абсолютно рациональной, может формироваться в рамках *субъективных возможностей*. А это есть уже *объективное ограничение*. Не будем вдаваться в историю и напоминать о плоском мире Фалеса Милетского, или птолемеевой системе мира, или духах, обеспечивавших дальное действие в картине мира Исаака Ньютона, или иных представлениях о мире, давно утративших состоятельность, но за приверженность которым или, наоборот, за попытки их ниспровержения, отдавались жизни... Может быть рационалистическая позиция просто более поздняя и связана с иным уровнем развития сознания? А в ее торжестве над эмпирией сказывается дефект памяти и привычка к консерватизму? В поиске ответов на эти вопросы обратимся к понятию «модель», которое в рассматриваемом контексте представляется нам ключевым.

Чтобы жить и развиваться человек должен систематизировать свои представления о мире, о себе и, соответственно, о себе в этом мире. Для этого каждый из нас отдельно, каждая социальная группа, человечество в целом формируют модели – мыслительные конструкции, позволяющие ориентироваться в различных сферах бытия³. Модели являются основой различного рода прогнозов на будущее, базой для анализа происходящего и прошедшего. Модели бывают сознательные и бессознательные. В первом случае мы конструируем их специально для решения какой-либо задачи. Но наш мозг, вне зависимости от наших настроений, непрерывно занимается генерацией подобного рода конструкций в фоновом режиме. Это есть его, мозга, естественная жизнеобеспечивающая функция, реализуемая на подсознательном уровне.

Но как соотносится тема «модель» с темой «пространство»? Если вернуться к словам Ясперса, то можно предположить, что, будучи феноменом вторичным по отношению к воспринимаемым объектам, *субъективное пространство входит в состав моделей, которые генерирует наш мозг*.

Можно сформулировать иначе: пространство, с которым имеет дело человек, не воспринимается напрямую – ни как целое («абсолютное пространство» по Ньютону), ни как его часть («относительное пространство» по Ньютону), а **возникает только в процессе создания моделей**. А потому, **такое пространство, строго говоря, не имеет никакого отношения к физическому пространству**. В этом принципиальное отличие нашего понимания процесса формирования пространственных представлений как от рационалистической, так и от эмпирицистской позиций, которые говорят о прямом или опосредованном восприятии *реального* физического пространства. Несмотря на подобный «методологический» отрыв от реальной действительности, наши модели не плохо совпадают с наблюдаемыми результатами. Одна из причин тому заключается в нашей способности напрямую воспринимать материальные объекты. Кроме того, антропный принцип устройства мироздания пока еще не утратил силу.

² Сторожук А. Ю. К вопросу о происхождении представлений о пространстве // Философия науки № 1 (32) 2007. – С. 180.

³ Модéль (фр. modèle, от лат. modulus – «мера, аналог, образец») – это система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе, это упрощенное представление реального устройства и/или протекающих в нем процессов, явлений.

По содержанию модели бывают самые различные. Научные модели (такие как, например, упоминавшиеся выше модели пространства) служат для изучения отдельных явлений и закономерностей между ними. Произведения искусства – это тоже модели. Их авторы своими методами рассказывают о своем видении мира. Религиозные доктрины – это тоже модели, которые тоже представляют вполне определенный взгляд на мироустройство. Последнее может показаться не столь очевидным, тем более что формирование религиозной модели отличается от двух предыдущих, впрочем, не столь радикально, как можно думать. Да и мировоззренческая картина – это тоже модель. Мировоззренческий горизонт – граница мировоззренческой модели. Но у всех моделей есть нечто общее. Американский философ, автор фундаментальной концепции моделирования, Маркс Вартофский полагал, что «модели суть предлагаемые возможности истины»⁴. Не случайно вокруг них, оформленных как научные концепции или как произведения искусства, нередко разгораются нешуточные конфликты. А уж о противостоянии религиозных доктрин можно и не говорить...

Совсем не обязательно, что все модели, создаваемые не только разными людьми, но и одним человеком, органично связаны между собой и гармонично дополняют друг друга. Нередко имеет место прямо противоположная ситуация. Действительно, конфликты между моделями не редкость. Выручает то, что эти модели работают в разных областях бытия. Хуже, если модели созданные разным людьми относятся к одной области и противоречат друг другу. Совсем плохо, если эти люди – политики и от их решений зависят судьбы мира.

Относительно недавно нейрофизиология существенно повысила роль моделей в жизни человека. Было экспериментально установлено, что сознанию свойственно в большей мере обращаться к собственным моделям, нежели полагаться на поступающую информацию. Т. е. сознание берет от органов чувств не более 10 % информации об окружающем мире, дополняя уже имеющейся информацией. Еще ничего, когда речь идет о простых вещах (да и то мы иногда не можем найти предмет, лежащий на виду), гораздо хуже, когда речь идет о сложных конструкциях, затрагивающих взаимодействие людей, обществ или серьезных концепциях. Об этой вариативности мы говорили в предыдущих абзацах. Более того, если новая информация, которую получает человек, находится в конфликте с уже имеющейся, она, скорее всего, будет отвергнута. Либо принята и подогнана под действующую модель. И только если новые аргументы убедительны настолько, что их не удастся вписать в старую модель, происходит изменение картины мира, «квантовый скачок», сдвиг парадигмы. Отсюда проистекает наша нелюбовь к новому. Выработанная каждым из нас модель имеет для нас полноту и потому каждый «знает все». Новое вызывает у нас когнитивный диссонанс – это прямое противоречие с нашими знаниями. Артур Кларк как-то сказал, что если бы он написал книгу, которая нравилась бы всем, то в ней не было бы ничего нового⁵.

Но каковы условия, определяющие эти соотношения? Все дело в силе нервных связей, определяющих наши убеждения, и единство активности нейронных цепей. Так ничтожно малое, существующее в недрах мозга, определяет большое, а иногда и очень большое...

Вероятно, что описанный механизм обеспечивает способность человека к творчеству, т. е. генерации идей и вещей, которых еще не было. Творчество – это хорошо. Хорошо и то, что свои текущие решения мы принимаем на основании накопленного опыта. С одной стороны, это позволяет принимать решения на основе неполной информации, а с другой – снижает вероятность ошибок.

⁴ Вартофский М. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – С. 15.

⁵ Не надо путать сказанное с «новизной информации», представляющей собой информационный шум, который бурной рекой вливается в наше сознание через всевозможные средства массовой информации и коммуникации. Современная динамичная мода также представляет собой иллюзию новизны, в которой таится стадный страх выпасть из «нормы» и стать «белой вороной».

Но стратегия формирования моделей, означает, что человек постоянно живет своим прошлым. Мы не просто «опираемся» на прошлый опыт, но погружены в него как айсберг в воду – на 90 %! Новое несет риск пошатнуть сложившиеся модели, устои, вызвать потрясения сознания, влекущие сдвиг парадигмы. Потому то мы всегда готовы давать объяснения и оправдывать собственный консерватизм. В действительности, число людей, открытых новым идеям, ничтожно. Они – аномалия. И тем не менее именно этим безумцам человечество обязано своим прогрессом.

Впрочем, несмотря на всевозможные различия, между моделями имеет место активное взаимодействие. Так, зачастую, художники черпают творческое вдохновение из научных моделей (так пуантилизм реализовывал сложносоставную природу света, а кубизм развивал идеи о многомерном пространстве). В свою очередь ученый мир нередко подхватывает идеи, получившие развитие в художественной сфере (так, к примеру, декартовы координаты представляют собой не что иное, как развитие идеи шахматного поля ренессансной картины, построенной по законам перспективы). Модели, создаваемые человеком, разномасштабны. Модели могут сознательно ограничиваться частными случаями, и такого рода ограничение информации для различного рода научных моделей является приемом, обеспечивающим эффективность анализа. Модели могут быть большими в пространстве и во времени. Чем большую область реальности охватывает модель, тем лучше она соответствует реальности, (опять же в смысле «истины») тем более глубокие закономерности бытия позволяет обнаружить, тем более точные прогнозы делать. Очевидно, что наилучшие прогнозы следует ожидать от междисциплинарных моделей. Но они оказываются наиболее сложными, поскольку требуют преодоления не только противоречий, существующих между различными областями знания, но и существенных понятийных и языковых различий. Впрочем, искушение создать максимально большую модель наталкивается на объективные ограничения. Ни один человек, ни одна группа людей не владеет полнотой информации о мире и, что важно, *объективностью* взгляда на мир «со стороны» – это прерогатива Творца. Мы не можем создать модель размером с мир, в котором живем и, тем более, с самими собой в этом мире. Вновь сошлемся на авторитетное мнение Вартофского: «Мы можем оперировать лишь с конечной абстракцией бесконечной структуры мира: око Господне может зреть всего воробья, наше же – только скорость его полета, его вес и т. д. Этот эссенциализм в его абсолютном виде был сформулирован Гегелем, согласно которому истинным может быть только целое, а все аппроксимации ложны, потому что они носят приблизительный характер»⁶. Подобная категоричность хороша для философских рассуждений, а в реальности нам приходится довольствоваться тем, что нам доступно – т. е. этапами приближения к идеалу, т. е. к целому⁷. Не случайно политику называют искусством возможного. Пора бы признать то же и за другими сферами бытия.

Все-таки, какая удивительная вещь – язык! Только вдумайтесь:

ЦЕЛЬ – ЦЕЛОЕ; ЦЕЛОЕ – ЦЕЛЬ.

Этими словами сказано все, что нам требуется для бытия и более того...

Этапы приближения к целому можно представить в виде уровней его реализации и определить их как *уровни целостности*. Философский энциклопедический словарь говорит о целостности как обобщенной характеристике объектов, обладающих сложной внутренней структурой: «Понятие „целостность“ выражает интегрированность, самодостаточность, автономность этих объектов, их противопоставленность окружению, связанную с их внутренней

⁶ Вартофский М. Указ. соч. – С. 70.

⁷ Обратим внимание на то, что Целое, Идеал, Абсолют, Пространство, Творец – во многих учениях понимаются как тождественные понятия.

активностью; оно характеризует их качественное своеобразие, обусловленное присущими им специфическими закономерностями функционирования и развития... Методологическое значение представления о целостности состоит в указании на необходимость выявления внутренней детерминации свойств целостного объекта и на недостаточность объяснения специфики объекта извне (исходя, напр., из условий окружающей среды)»⁸. К подобного рода объектам относятся биологическая клетка, популяция, общество и личность. Последнее представляет для нас особый интерес.

То, что целостность составляет основу личности, в разное время отмечали многие мыслители. Об этом писал Фридрих Шиллер в двенадцатом из «Писем об эстетическом воспитании человека». На это указывал Карл-Густав Юнг, который полагал целостность высшей целью развития человека. А выдающийся отечественный психолог А. Н. Леонтьев не сомневался, что «личность представляет собой некоторое неповторимое единство, некую целостность»⁹. Как вполне логическое следствие, вытекающее из этого положения и подтверждающее его, достаточно очевидное: более развитый человек способен создавать более целостные модели, охватывающие большие горизонты реальности.

А что пространство? Пространственные представления также связаны с уровнем личностного развития. Если вдуматься, то эта связь может показаться лежащей на поверхности: чем более развит человек, тем больше его мир. Впрочем, это напрямую следует из установленного нами факта связи пространства с моделью. Впервые на факт существования такой связи указал немецкий философ и социолог Георг Зиммель. В 1900 году Зиммель писал: «**Синтез части пространства (*Raumstücks*) – есть специфически психологическая функция**, которая, при всей своей мнимо „естественной“ данности, модифицирована совершенно индивидуально [выделено мной – Д. М.]»¹⁰. Современная психология связывает восприятие пространства с образованием абстракций мышления различных уровней. Более высокие уровни обеспечивают более плотную «упаковку» информации. Соответственно, освоившее их человеческое сознание способно охватывать все более обширные области реальности. Однако величина – лишь количественный аспект проблемы. Качественный аспект пространства выражается через его неоднородность. Неоднородность позволяет выявить *сущностный* аспект пространства и говорить о нем как о самостоятельном объекте изучения.

Неоднородности в восприятии пространства возникают вследствие нелинейности процессов на разных стадиях обработки информации, поступающей из внешнего мира. Одна из причин возникновения таких нелинейностей – это структурирование информации. Структурирование упорядочивает исходную информацию, преодолевая ее хаотичность, раздробленность, позволяя человеку формировать целостную картину мира. При этом исходная информация неизбежно ограничивается и искажается. Структурирование осуществляется как органами чувств, так и механизмами мышления. Совокупность подобного рода причин, которые имеют субъективный характер, но от самого человека не зависят, можно объединить понятием «матрица тела». В первом приближении, матрицу тела можно представить как фильтр, который вырезает в окружающем абсолютном пространстве ограниченный фрагмент, который можно соотнести с относительным пространством, о котором говорил Ньютон. Впрочем, как мы уже сказали ранее, пространственные ощущения возникают на уровне формирования модели внешнего мира, а здесь на первый план вновь выходит ее целостность.

Целостность сознания напрямую определяется связностью его элементарных структур. В восприятии явлений внешнего мира связность может проявляться двумя способами: либо как

⁸ Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 730–731.

⁹ Леонтьев А. Н. Личность как предмет психологического исследования // Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Смысл, 2004. – С. 123.

¹⁰ Цит. по: Филиппов А. Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 72–73.

последовательное, либо как параллельное соположение фрагментов, объектов и событий. Но первое есть время, а второе – пространство. Таким образом, в восприятии человека время и пространство – это не что иное как *отражение нашей способности упорядочивать мир, объективное отражение целостности и связности нашего сознания*. Все остальное – лишь трактовки этих целостностей и связностей в различных прикладных аспектах.

Будучи вторичным феноменом по отношению к восприятию материальных объектов, **ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ПРОСТРАНСТВО ЕСТЬ ЯВЛЕНИЕ БЫТИЯ СУЩЕГО КАК ЦЕЛОГО**. В этом определении термин «явление» понимается как появление, возникновение чего-либо. И в том заключается двойкий смысл: во-первых, явление как нечто вновь увиденное, открытое, понятое человеком; во-вторых, явление как нечто созданное им. В результате, пространство предстает как категория историческая, самая абстрактная и в то же время наиболее конкретная форма бытия.

Таким образом, пространственные представления есть отражение текущего уровня развития самого человека, а в историческом плане – срез когнитивной эволюции. Для человека пространство оказывается конструктом его сознания, который он, в силу культурной традиции, полагает тождественным *доминирующим представлениям* о внешнем мире. При этом его реальное бытие протекает в пространстве, отражающем его *индивидуальный* личностный уровень развития.

В Древнем мире понятия «пространство» не существовало. Для Античности и Средневековья мир был средоточием материальных объектов. Не случайно художники тех времен так упорно избегали пустоты в своих произведениях. Пространство – открытие итальянского Ренессанса. То было время массового утверждения пространства, которое на закате Средневековья удалось «обнаружить» нескольким одиночкам, творившими вопреки доминировавшей тогда картине мира. Но, в любом случае, то была лишь творческая интуиция, а свое имя пространство обрело только на закате Возрождения, когда из наборной полиграфии был заимствован термин *spazio*, означавший блок, которым разделяли литеры, чтобы организовать пробел между словами. И до сих пор клавиша *space* остается в том же качестве на компьютерной клавиатуре. Так начиналась Первая Великая Европейская Пространственная Революция, отразившая смену мировоззренческой парадигмы.

Став понятием, пространство оказалось доступным как для простого упоминания, так и для научного анализа. Пространство в представлении Ньютона было населено духами и демонами, отражая, по сути, мистическое мироустройство средневековья. Ньютону эти «пережитки прошлого» понадобились, чтобы объяснить возможность взаимодействия между объектами на расстоянии в отсутствии прямого контакта между ними. Позже усилиями Леонарда Эйлера, эти антинаучные субстанции были изгнаны из картины мира, и пространство обратилось в абсолютную пустоту, никак не связанную с материальными объектами, в нем размещенными. Эта картина не подвергалась сомнению на протяжении двух столетий и составляет основу современного обыденного сознания.

На пороге XX столетия произошла Вторая Великая Пространственная Революция. И для физиков, и для лириков пространство переставало быть пустотой, ничем, обретая качества полноценного объекта. Теперь можно было изучать свойства пространства, исследовать его связи с материальным миром, а также использовать его как средство изображения внутреннего мира человека. В это время появляются различные теории пространства. Реляционная теория, следуя устоявшейся традиции, утверждает приоритет материи по отношению пространства. Ее прямой конкурент, субстанциальная теория, напротив, полагает первичным пространство как сущность, порождающую материю. В целом ряде теорий преодолевается классическая трехмерность пространства. Наиболее успешной в этом отношении оказалась теория струн.

Мы привыкли воспринимать такие перемены как некоторую объективную эволюцию нашего знания о мире. Мы вроде как накапливаем информацию, расширяем наши представле-

ния в ходе настойчивой познавательной деятельности, и мир постепенно, но неуклонно открывается нам во все большей полноте. В действительности, если что и меняется, то это мы сами, механизмы нашего мышления и их связность. А эта связность определяет целостность картины мира, доступной нам на каждом этапе развития.

МЫ СМОТРИМ В МИР И ВИДИМ ТАМ ОТРАЖЕНИЕ САМИХ СЕБЯ – ситуация описанная Станиславом Лемом в «Солярисе»... Неописуемо сложный мир открывает нам ровно то, что мы способны увидеть в нем. Не случайно современные теории пространства все более наполняются субъективизмом и сближаются с идеями, содержащимися в восточных мистических учениях¹¹. Только наше изначальное сродство с этим миром позволяет избегать абсолютного субъективизма в этой картине. Не надо строить иллюзий: **целостность и связность нашего мира, открытых нами законов, описывающих этот мир, есть целостность и связность нашего сознания**. За его границами есть много еще чего другого, более высокого, нам – в нашем нынешнем качестве – не доступного¹².

Скованные стереотипами рационального мышления, мы не замечаем, насколько эмоциональное опережает рациональное в нашем восприятии. На раннем этапе своего развития мы вообще не думаем о пространстве, постигая мир близких предметов. Потом пространство возникает как испуг темной комнаты. Потом объекты связываются в мир, у него возникает *граница*, и то, что находится по другую сторону ее, для нас чуждо. Потом у нас возникает неодолимое желание эту границу преодолеть, хотя страх продолжает сжимать горло, а по спине пробегает холодок. Наконец, мы выходим в большой мир, становимся самостоятельными, и пространство превращается в символ возможного, становится синонимом свободы. Пространство становится *простором*, который обещает новую жизнь, дарит новые перспективы, нового себя, пространство начинает манить, притягивать, завораживать. Мы начинаем устремляться в пространство, покорять его. По мере раскрытия пространства вырабатывается язык, ощущение сродства... С помощью понятий мы опредмечиваем его, и здесь возникает иллюзия, что понятия первичны, что они являются основой, каркасом наших отношений с миром, с пространством. Пространство наполняется глубоким смыслом, и для каждого этот смысл оказывается сугубо индивидуальным, личностным.

Наука в своем развитии идет тем же самым путем. Научное знание вторично по отношению к эмоциям, которыми откликаются мистики, поэты и художники. Ученый, как и всякий живой человек, должен сначала «пережить» пространство, совершить акт его «открытия», впустить его в свою душу или, напротив, развернуть свою душу во внешний мир. В противном случае мы имеем дело с ремесленниками от науки, которые могут ловко оперировать математическими процедурами, рассуждать о многомериях и многомириях, но к пространству это будет иметь мало отношения. Физика в этих случаях ловко прикрывается математикой.

Все новые идеи субъективны. Это достаточно очевидный факт, поскольку все они суть порождения индивидуального сознания. Для Ньютона его представление о мире, рожденное вопреки существовавшей тогда картине мира, было субъективным. Картина мира, рожденная Эйнштейном, была не менее субъективной. «Научная революция противоречит здравому смыслу», – такими словами начинает свою книгу о гиперпространстве известный американский физик и популяризатор науки Митио Каку¹³. Для нас эта очевидность эффективно скрывается привычкой принимать за истину то, что закреплено в культурной традиции, мнением,

¹¹ Капра Ф. Дао физики. – СПб.: ОРИС, 1994.

¹² Наш материальный мир, как показывают расчеты устойчив только в трех измерениях, соответственно более высокие размерности могут предполагать мир иного качества. Мы можем догадываться об этом мире на основе тренда нашего развития, понимаемого с пространственных позиций.

¹³ Каку М. Гиперпространство: Научная одиссея через параллельные миры, дыры во времени и десятое измерение. Пер с англ. – 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – С. 9.

принятым обществом, т. е. пресловутым «здравым смыслом». Но когда мы пытаемся делать обобщения, то время и пространство открывают свои метафизические качества по-иному.

Поскольку модели различны, то помимо традиционных пространств физики, геометрии и географии, теперь говорят о пространствах политики и экономики, о социальном пространстве и пространстве культуры, о пространствах слова и безмолвия, текста и письма, диалога и полифонии, сцены и света, о внутреннем и глубинном пространствах, о межличностном пространстве и о многих других. Кроме того, пространства, связанные с различными моделями, могут иметь различные структуры, которые проецируются на физическое пространство внешнего мира. Так что различие между моделями означает, что и пространства, в которых живут люди, также различны.

Итак, необходимо ли, возможно ли вообще «пространствоведение»? Любое «ведение» есть наука, изучающая строение своей предметной области. Необходимым условием существования некоторой науки является наличие базового объекта исследования, особенного от других областей научного знания. Мы же показали, что пространство таким объектом не является, в силу его недоступности нашему восприятию. Каков может быть объект пространствоведения, если само пространство человеку недоступно, даже если он вооружается приборами? Наш ответ будет скорее отрицательным, нежели положительным. Но расстраиваться по этому поводу не стоит.

Взглянем на проблему под другим углом. Генезис пространственных представлений способен раскрыть то, что скрыто глубоко и до сих пор не имело объективации: этапы когнитивной эволюции, развития механизмов мышления, и через это объективное изучение личностного развития... Пространствоведение в таком случае можно понимать, как область научного знания о механизмах мышления человека, его сознании, мыследеятельности, обеспечивающей различные уровни целостности, на основе которых происходит структурирование информации. В этом случае пространствоведение формирует самую широкую междисциплинарную базу.

В одной из своих статей Георг Зиммель впервые указывал на взаимосвязь различных областей человеческой деятельности на базе концепции пространства: «В социальных ситуациях, в представлениях людей конкретный участок территории, определенная „почва“ могут играть ту же роль, что и абстрактные, философские и математические идеи пространства в рассуждениях современного теоретика»¹⁴. Эта мысль, как и другие, сформулированные Зиммелем, получили развитие в фундаментальной концепции морфогенеза культуры, разработанной его соотечественником, философом и культурологом Освальдом Шпенглером. Ровесник Ясперса, Шпенглер создал настоящий «Гимн Пространству», озаглавленный им «Закат Европы». Из трех пространственных координат он особо выделял глубину, резко критикуя математический подход к пространству. «Переживание глубины есть... столь же совершенно произвольный и необходимый, сколь и совершенно творческий акт, посредством которого „Я“ получает... свой мир»¹⁵. Шпенглер писал в предисловии к первому тому своего фундаментального труда: «...Существует глубокая взаимосвязь форм между дифференциальным исчислением и династическим принципом государства эпохи Людовика XIV, между античной государственной формой полиса и евклидовой геометрией, между пространственной перспективой западной масляной живописи и преодолением пространства посредством железных дорог, телефонов и дальнобойных орудий, между контрапунктической инструментальной музыкой и хозяйственной системой кредита. Даже трезвейшие факты политики, рассмотрен-

¹⁴ Цит. по: Филиппов А. Ф. Указ. соч. – С. 90.

¹⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т 1: Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993. – С. 330.

ные в этой перспективе, принимают символический и прямо-таки метафизический характер, и здесь, возможно, впервые явления типа египетской административной системы, античного монетного дела, аналитической геометрии, чека, Суэцкого канала, китайского книгопечатания, прусской армии и римской техники дорожного строительства равным образом воспринимаются как символы и толкуются в качестве таковых»¹⁶. Так Шпенглер демонстрировал новый синхронистический подход к изучению истории на базе категории пространства, фактически, привнося принцип относительности в гуманитарную сферу.

Соединение этого подхода с идеей структурирования информации на основе элементарных структур сознания, позволяет продвинутся дальше, превращая всю сферу творческой деятельности человека в объективную базу данных свидетельствующих о его развитии. Поскольку формирование пространственных представлений происходит на бессознательном уровне, то эти представления объективным образом и наиболее полно отражают уровень развития человека, позволяют делать обоснованные выводы о скрытых процессах сознания, его мотивациях и намерениях. Концепция Шпенглера подчас создает ощущение циклической бесперспективности исторического движения. Переход на микроуровень элементарных структур сознания, обнаруживает в этом движении цель – целостность как личностное развитие, разворачивающееся на все более высокие социальные уровни.

Уникальность структурирования информации выражается не только в характере мировоззренческой картины, но и в специфике форм продуктов творческой деятельности, во всех без исключения областях. И здесь шпенглеровский символизм пространства оказывается поистине пророческим: пространство становится «знаком и выражением самой жизни, изначальнонейшим и мощнейшим из всех ее символов»¹⁷. Что с неизбежностью открывает широкую возможность для научно-обоснованных прогнозов, формирует базу для построения онтоистории. Здесь пространство обнаруживает новые связи сознания с проблемой бытия.

Пространственный подход к наукам о человеке и обществе позволяет перевести последние на новый уровень, поставить вровень с естественнонаучным знанием. Как мы говорили выше, целостность научной картины мира есть следствие целостности мышления исследователей, и в этом смысле физики мало чем отличаются от лириков. Новый уровень целостности должен породить в гуманитарной сфере результаты близкого качества к точным наукам, а как это будет реализовано на практике, покажет время. Главная задача сейчас, чтобы пространство было введено в активный научный оборот и стало бы основанием для рассмотрения самых различных аспектов бытия.

Современные науки об обществе лишены понятийного аппарата, соответствующего реалиям современного мира. Прямым следствием такого положения дел является ситуация, которую в одном из своих докладов Римский клуб охарактеризовал как «неосознанность происходящего». Иными словами, в современном быстро меняющемся мире науки, призванные описывать развитие событий и предсказывать их, оказываются не просто не состоятельными, но нередко фальсифицируют рассматриваемую ситуацию, скрывая в большей мере, нежели проясняя ее. Зато какой простор открывается в этом случае для манипуляций сознанием! А это есть база для информационных войн. Та легкость, с какой может быть навязана модель, не просто не соответствующая реальности, но саморазрушительная для принявших ее, мы узнали на собственном опыте в 90-е годы прошлого века. Сегодня мы наблюдаем за тем же, но с еще более разрушительными результатами, на примере Украины и Западной Европы.

Генетическая беда современных социально-гуманитарных наук заключается в том, что они оформились в действующем виде во второй половине XIX – двух первых десятилетиях

¹⁶ Там же. – С. 336.

¹⁷ Шпенглер О. Указ. соч. – С. 336.

XX-го веков, а с тех пор мир изменился радикально. Более того, фундаментальным основанием, определяющим целостность создаваемой картины, является категория «время». В XXI веке надо иметь новое знание об обществе, мире и человеке. Это принципиальное условие обеспечения не просто положительных результатов в условиях информационного общества, но, буквально, выживания. Сегодня знание является важнейшим стратегическим ресурсом. Фундаментальное знание – есть критический ресурс, который в условиях современного мира сопоставим, без преувеличения, только с обладанием ядерным оружием. В условиях быстро развивающегося мирового кризиса, перестройка знания представляет собой жизненно важную задачу. Тот, кто создаст это новое знание, тот получит большие шансы на будущее.

Новое знание, адекватное текущей ситуации, может быть обеспечено только благодаря его целостности, которая определяется базовой категорией, на основании которой ведутся исследования. А такой категорией является пространство. Пространственный подход позволяет эффективно объединять в рамках одного проекта различные научные дисциплины, технологии и элементы культуры. Такой подход способен генерировать собственные социальные, экономические и политические реалии. С формальной точки зрения пространственный подход стимулирует выработку нового типа мышления.

В заключение, мы можем констатировать, что сама ситуация неумолимо подталкивает нас к быстрым переменам. Пример естественных наук, о котором мы говорили в первых строках, со всей очевидностью указывает направление дальнейшего движения. М. Хайдеггер на закате своих дней высказывал сожаление по поводу того, что не уделил вопросу пространства достаточного внимания. К сожалению, переменам традиционно противостоит инерция сознания. Так что проблема «введения в пространствоведение» оказывается в большей степени психологической, нежели методологической. Прежде всего необходимо преодолеть себя, чтобы понять; и поняв, эффективно создавать новую практику бытия.

Библиография

- Вартофский М.* Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988.
- Какую М.* Гиперпространство: Научная одиссея через параллельные миры, дыры во времени и десятое измерение. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Кипра Ф.* Дао физики. – СПб.: ОРИС, 1994.
- Леонтьев А. Н.* Личность как предмет психологического исследования // Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Смысл, 2004.
- Сторожук А. Ю.* К вопросу о происхождении представлений о пространстве // Философия науки. № 1 (32) 2007.
- Филиппов А. Ф.* Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1: Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993.
- Ясперс К.* Общая психопатология. – М.: Практика, 1997.

Теоретические работы

Парадигма пространственной многомерности¹⁸

I

Современный уровень развития понятия социальное пространство в значительной мере определяют работы П. Бурдьё, который исходил из возможности представить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств. В рамках своей концепции Бурдьё ввел понятие *агент*, как альтернативу понятиям *субъект* и *индивид*, используемых в структуралистском и феноменологическом подходах, соответственно. Бурдьё наделил агента таким важным свойством как *габитус*, выполняющим функцию посредника между объективными структурами и индивидуальными действиями, являясь одновременно результатом интериоризации внешних условий и средством экстериоризации бессознательных схем восприятия и действия, осуществления индивидуальных практик.

Агентов и группы агентов Бурдьё определял по их *относительным* позициям в пространстве. Агенты наделены *свойствами*, которые придают их обладателям *силу, влияние и власть*¹⁹. Последние понимаются в самом общем виде – как способность добиваться результатов. В объективированной форме эти свойства выполняют функцию *капиталов*, которые выступают как *центры силы*. Таким образом, социальное пространство, в интерпретации Бурдьё, можно описать «как поле сил, точнее, как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным *взаимодействиям*»²⁰. Подобная трактовка позволяет дифференцировать социальное пространство по различным категориям. Универсальность характера сил, на которую указывал еще Флоренский²¹, а также качественное разнообразие капиталов позволили Бурдьё ввести понятие *полей*, которые в совокупности и составляют социальное пространство. От «основного» социального пространства поля отличаются только суженной типологией действующих в них сил, и потому нередко называются *субпространствами*, чем подчеркивается общность их природы. Такое строение социального пространства дало Бурдьё основания предполагать возможности комбинации нескольких полей агентами, что соответствует различным вариантам срезов при анализе многомерного куба сложной информации.

Действительно, с одной стороны, П. Бурдьё представил социальное пространство, как до него П. Сорокин²², в виде, многомерного куба, в котором вместо *положений* рассматриваются капиталы, выступающие как центры силы. Поля в этом случае, фактически, являются *сечениями* или *срезами* такого многомерного куба по различным переменным, в качестве которых выступают, прежде всего, различные категории (включая культуру), которые Бурдьё рассмат-

¹⁸ Фрагмент диссертации на соискание звания кандидата философских наук «Формирование социального пространства и его структур (Социально-философский анализ). Специальность 09.00.11. – „Социальная философия“». 2012 г.

¹⁹ Бурдьё П. *Fieldwork in philosophy* / Бурдьё П. Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 20.

²⁰ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов / Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 15.

²¹ Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – С. 81.

²² Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность / Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297–302.

ривал как экономические понятия, подчиняющиеся правилам рынка. Но, с другой стороны, в концепции Бурдьё, социальное пространство не является некоей «теоретически оформленной пустотой», в которой обозначены координаты агентов. Агенты, как тела и биологические индивиды, «занимают место». Это место, *topos*, может быть определено двояко: либо абсолютно, т. е. как локализация, в которой находится агент или предмет, где он существует, «имеет место»; либо – относительно, релятивно, как положение, ранг в порядке. Занимаемое место в таком случае, согласно Бурдьё, может быть определено как площадь, поверхность и объем, который занимает агент или предмет: агенты «занимают» определенное пространство, а дистанция между их позициями – это тоже не только социальное, но и физическое пространство. В результате, социальное пространство представляет собой воплотившиеся физически социальные иерархии и классификации.

Социальное и физическое пространства, подчеркивал П. Бурдьё, невозможно рассматривать в «чистом виде» – независимо друг от друга: «...Социальное деление, объективированное в физическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как **ментальная структура** [выделено мной – Д. М.]»²³. Если физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, то социальное пространство определяется по различению позиций, которые его образуют – как структура социальных позиций.

Физическое пространство Бурдьё понимал как социальную конструкцию и проекцию социального пространства, как социальную структуру в объективированном состоянии, как объективацию «прошлых и настоящих социальных отношений»²⁴. Тем не менее, на уровне макросоциологических процессов, понимаемое таким образом физическое пространство обращается в абстракцию, редуцируясь, как говорил сам Бурдьё, в физическую географию. В итоге, физическое пространство может рассматриваться либо как территория, либо как пустое местоположение материальных объектов – в классическом естественнонаучном смысле.

Подход П. Бурдьё получил развитие в работах отечественных исследователей. Так А. Ф. Филиппов определяет социальное пространство как «порядок социальных позиций, например, статусов, сосуществующих таким образом, что занятие одной позиции исключает занятие другой»²⁵. Так же, как и Бурдьё, Филиппов сближает физическое и социальное пространства, полагая, что на первое проецируется принцип распределения и соотнесения социальных позиций. Тем самым, физическое пространство вновь представляется производным от пространства социального. Так же, как у Бурдьё, этот вывод вытекает из рассуждений в рамках уровня микросоциологии, откуда следует, что социология пространства имеет дело с «пространством тел»²⁶. В качестве пространства, в этом случае, понимается **«все, что входит в пределы наглядного созерцания** [выделено мной – Д. М.]»²⁷. Это принципиально важный, на наш взгляд момент, позволяющий выявить специфику подхода, которая остается не высказанной автором. Далее Филиппов констатирует, что «здесь перемещения и движения тела сопряжены с **дорефлексивным и притом столь же социальным, сколь и „натуральным“ представлением пространства** [выделено мной – Д. М.]»²⁸. Подобный – микросоциологический – подход, по мнению Филиппова, «облегчает объяснение квазинормативной (точнее, более фундаментальной, нежели нормы) значимости пространственных классификаций. Но это объ-

²³ Бурдьё. П. Социальное пространство... – С. 37.

²⁴ Бурдьё П. Физическое и социальное пространства/Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 53.

²⁵ Филиппов А. Ф. Социология пространства. – СПб., 2008. – С. 262.

²⁶ Там же. – С. 67.

²⁷ Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства / Социологический журн. – 1995. – № 1. – С. 51.

²⁸ Филиппов А. Ф. Указ. соч. – С. 51.

яснение работает лишь для обозримого пространства и при отсутствии рефлексии [выделено мной – Д. М.]»²⁹. Необходимо обратить особое внимание на связь «пределов наглядного созерцания» или «обозримого пространства» с «дорефлексивным» представлением пространства, как условия «работы объяснения». В этой связи требуется сделать некоторое разъяснение.

Дело в том, что в данном контексте речь идет об эффекте *ближней зоны*, который фактически никак не учитывается в современных исследованиях пространства в рамках философии и социологии. На этот эффект восприятия пространства обратил внимание академик Б. В. Раушенбах в ходе выполнения космических программ, и проведенный им комплексный анализ обнаружил, что различия между ближней и дальней зонами определяются психофизиологией человека. Достаточно сказать, что на небольших расстояниях человек видит в слабой обратной перспективе, в то время как на больших – в прямой. Еще Э. Мах не только указывал на существование ближней зоны, но и фактически точно назвал размеры: «Зрительное пространство скорее похоже на построения метатегометров, чем на пространство Евклида. Оно не только ограничено, но кажется имеющим весьма тесные пределы. Один опыт Платона показывает, что последовательный зрительный образ не увеличивается уже заметно, если проецируется на поверхность, постепенно отступающую от глаза далее 30 метров расстояния»³⁰. Эффект ближней зоны объясняет, почему в традиционной культуре шаман может залезть по дереву на небо, а боги, жившие на Акрополе, действительно представляли собой небожителей – в обоих случаях «высота неба» совпадает с радиусом ближней зоны, в которой была сосредоточена жизнь. Следует обратить внимание также на то, что «пространство», как самостоятельный феномен, на небольших расстояниях не воспринимается, для него нужен навык дальновидения. Тем самым разговор о «пространстве» применительно к ближней зоне, представляющей собой совокупность разрозненных предметов, оказывается некорректным. «Дорефлексивное» представление составляет специфику мыслительных механизмов, ответственных за восприятие ближней зоны.

Таким образом, пределы «наглядного созерцания», о котором говорит Филиппов, совпадают с ближней зоной, ограничивающей жизнедеятельность традиционного общества, а также большинства людей в период истории Древнего мира. Потому для них характерны «абсолютно социальная» форма бытия и «натуральное» представление пространства. Показательно, что к примеру Древней Греции обращались и П. Бурдьё, и М. Хайдеггер. И в этой связи следует вспомнить О. Шпенглера, который определял древнегреческую картину мира как точечную³¹.

В сложившейся ситуации А. Ф. Филиппов вынужден констатировать, что понятие «социальное пространство» утрачивает глубину и контекстуальный характер, переходя в разряд абстрактных социологизмов, не отражающих сущностные тенденции социальной реальности. В стремлении разрешить эту проблему, он предпринимает попытку расширить социологический подход за счет понятий, заимствованных из других социальных и гуманитарных наук, включающих социальную психологию, социальную географию, семиотику, социальную антропологию. Здесь имеются в виду *территория, личная территория, исключительность пространства, область манипуляций, практическая схема, место, регион, локал* и проч. Но эта попытка только усугубляет ситуацию и увеличивает трудности понимания социального пространства.

В работе 2002 г. Филиппов высказывает мнение, что «переживание подлинности пространства – это единственное, что делает обращение к нему чем-то иным и большим, нежели

²⁹ Там же.

³⁰ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – С. 327.

³¹ Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – С. 294.

исследование образов и схем пространства как частного случая в общей культурной картине мира»³². И далее он предупреждает: «Но само это переживание подлинности может оказаться не подлинным, точнее говоря, противоположность подлинного и не подлинного рискует утратить смысл в той же мере, в какой не только физическая география, но и вообще любой более или менее внятный способ концептуализации местности может быть интерпретирован как социальный и культурный феномен»³³. В результате мы наблюдаем смешение реляционного характера социального пространства и классической монистической трактовки «физического» пространства внешнего мира. Трудности, с которыми сталкивается А. Ф. Филиппов, приводят его к мысли о том, «социологии пространства» как теории среднего уровня быть не может³⁴.

Таким образом, если П. Бурдьё декларировал эмпиризм своей исследовательской позиции и потому мог пренебречь возникающими противоречиями, то для А. Ф. Филиппова, стремящегося решить теоретическую проблему социологии пространства на уровне философских обобщений, конфликт между представлениями о социальном и физическом пространствах становится неразрешимым препятствием. Еще более усугубляет ситуацию неудачная попытка связать пространственные представления на уровнях микро- и макросоциологии.

Разрешение отмеченной коллизии может быть найдено в контексте логики развития научной мысли, а именно в результате замены габитуса микроструктурами, формирующимися на более глубоком уровне развития психики.

II

Для преодоления выявленных ограничений и недостатков существующих концепций формирования социального пространства и его структур предлагается рассмотреть пространственную модель человека. С помощью этой модели будет осуществлена экспликация понятий, используемых в социально-философских интерпретациях социального пространства и проанализирован возможный механизм взаимодействия феноменов, отражаемых этими понятиями. Такая модель должна включать два четко обособленных друг от друга пространства: *внешнее* и *внутреннее*, а также *сознание*, как психический комплекс механизмов мышления, обеспечивающий взаимосвязь и взаимодействие этих пространств. Тем самым мы переходим на уровень анализа когнитивной структуры, рассматриваемой с позиций освоения и формирования социального пространства, чтобы затем абстрагироваться от данных психологии и достичь максимального возможного уровня абстракции. Рассматривая модель, включающую механизм индивидуального сознания, следует учитывать, что, как писал Э. В. Ильенков, «„ум“ – это не „естественный дар“, а результат социально-исторического развития человека, общественно-исторический дар, дар общества индивиду»³⁵. Конкретизируем характеристики компонентов, входящих в состав пространственной модели человека.

Жизнедеятельность человека протекает в мире, который является внешним по отношению к человеку. Но в этом внешнем мире человек ориентируется на основании когнитивной модели. «То, что мы всегда знаем о мире, и то, чем мы непосредственно располагаем, – это содержания сознания, – справедливо писал К.-Г. Юнг. – *Мы непосредственно живем исключительно в мире образов*»³⁶. Сказанное совпадает с позицией Э. Гуссерля, который полагал, что, если мы хотим адекватно описать *трансцендентный* предмет, то надо эту трансценденцию представить как компонент *имманентного* смысла предметности. Знание о трансцендент-

³² Филиппов А. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. – 2002. – № 6 (7). – С. 51.

³³ Филиппов А. Гетеротопология родных просторов... – С. 51.

³⁴ Филиппов А. Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы [Электронный ресурс] // Логос. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html, свободный.

³⁵ Ильенков Э. В. Истоки мышления; Диалектика идеального. Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 16.

³⁶ Юнг К.-Г. Дух и жизнь / Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Академический проект, 2007. – С. 251.

ном предметном мире возможно только как знание о конструируемом посредством сознания трансцендентальном смысле этого мира. Соответственно, в контексте предлагаемой к рассмотрению модели, внешнее пространство понимается как воспринимаемый фрагмент реальности, форма которого определяется развитием человека как социального существа и потому связана с «социальностью». Трактующее далее таким образом понятие «*внешнее пространство*» – это субъективная реальность, являющаяся социально-психологическим отражением бытия в сознании.

Внутреннее, духовное пространство – это внутренний мир человека. Такое представление является очевидным на уровне здравого смысла, однако в литературе по его поводу высказываются самые различные мнения. Встречающиеся определения охватывают, по сути, весь спектр представлений о человеке, сводя воедино бессознательно-эмоциональную и сознательно-рациональную составляющие. Чаще всего под внутренним миром понимается мыслительная модель³⁷, что объясняется их объединением в рамках понятия «психика». Подобная «интегративная» позиция встречала немало возражений: «Существуют такие воззрения, в которых „душевное“ целиком ограничивается сознанием, – писал К.-Г. Юнг. – Сегодня, однако, мы вряд ли можем согласиться с подобным ограничением»³⁸. «...Душа и тело – это пара противоположностей, – писал он в другой работе, – и они как таковые являются выражением *некоего* существа, природу которого нельзя познать ни из материального проявления, ни из внутреннего непосредственного восприятия»³⁹. Это мнение также разделял лауреат Нобелевской премии К. Лоренц. Указывая на единство души и тела, он отмечал их сущностное различие: «Я думаю, что эта пропасть [между душой и телом – прим. Д. М.] непреодолима не только для нынешнего состояния наших знаний. Даже при самом утопическом их приращении мы не приблизились бы к решению проблемы тела и души. Своеобразные закономерности переживания в принципе невозможно объяснить с помощью физико-химических законов или законов, которым подчинена структура нейрофизиологического аппарата, какой бы сложной она ни была»⁴⁰.

Представители психологической школы (Г. Зиммель, О. Шпенглер, П. Флоренский, П. Слотердаик и др.) в качестве внутреннего пространства понимали душу человека. С. М. Белозеров, посвятивший проблеме организации внутреннего мира человека и общества объемное исследование, полагает, что «внутренний мир любого человека действительно представляет собой особое психическое пространство»⁴¹. Обосновывая этот тезис, автор ссылается на внеположенность, как необходимый признак пространственности, и связность – как признак достаточности. «Как и в любом пространстве, – пишет Белозеров, – в психологическом действуют силы взаимодействия»⁴².

Сознание в данном контексте будем понимать, в соответствии с идеями М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского, как набор *механизмов мышления*, что позволяет «не приписывать сознанию чего бы то ни было как со стороны субъекта, так и со стороны объекта»⁴³. Сознание обрабатывает информацию, которая поступает из двух доступных человеку источников: внешнего и внутреннего пространства. «Функция сознания заключается не только в том,

³⁷ См. напр. Пенроуз Р. Большое малое и человеческий разум / Р. Пенроуз, А. Шимони, Н. Кетрайт, С. Хокинг. – М., 2004. – С. 101.

³⁸ Юнг К.-Г. Душа и земля / Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Академический проект, 2007. – С. 119–120.

³⁹ Там же. – С. 249.

⁴⁰ Лоренц К. Обратная сторона зеркала / Лоренц К. Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008. – С. 493.

⁴¹ Белозеров С. М. Организация внутреннего мира человека и общества. Теория и метод композиций. – М.: Алетея, 2002. – С. 43.

⁴² Там же. – С. 43.

⁴³ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. (Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке). – М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. – С. 37.

чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума мир внешнего, но и в том, чтобы творчески пере водить мир внутреннего во внешнее»⁴⁴. Тем самым при посредстве структур сознания обеспечивается интериоризация внешней реальности, которую П. Бурдые называл «внешними условиями», и экстериоризация внутренних «схем восприятия и действия».

В таком случае, отвлекаясь от других функций, сознание можно представить в качестве фильтра, выделяющего некоторые области, доступные человеку в текущий момент времени, которые и являются внешним и внутренним пространствами рассматриваемой модели. Первое – внешнее пространство – есть социально-психологическое отражение внешнего мира. Второе – внутреннее пространство – формируется также путем выделения («вырезания») «фрагмента», но на этот раз в пространстве коллективной психики, поскольку, согласно К.-Г. Юнгу, «сознательная личность есть более или менее произвольно выбранный фрагмент коллективной психики»⁴⁵. А на то, что инструментом, «вырезающим» такой фрагмент, является именно сознание, К.-Г. Юнг указал в другой работе: «Сознание представляется необходимым пред-условием „Я“. Однако без „Я“ немислимо также и сознание»⁴⁶. В основе такой «фильтрации» лежат механизмы обработки информации, реализуемые на разных этапах развития. Характеристики этих пространственных областей определяются спецификой (в том числе «производительностью») механизмов сознания, что может быть оценено как пропускающая способность такого фильтра.

Рассмотрим некоторые особенности механизма обработки информации. В книге «Чудо языка» немецкий филолог В. Порциг писал: «Когда речь идет о психических процессах, мы говорим не только о внешнем и внутреннем, но также о том, что происходит „выше и ниже порога“ сознания, о подсознании, о переднем и заднем плане, о глубинах и слоях психики. Пространство вообще служит моделью для всех не наглядных отношений...»⁴⁷. Здесь на первый план выводится структура мышления как сложного комплекса, в котором психоанализ выделяет несколько уровней, значительную роль отводя бессознательному. В последнем выделяются, прежде всего, «коллективное (не- или сверхличное) бессознательное», представляющее собой, как писал К.-Г. Юнг, объективно-психическое, а также «личное бессознательное», имеющее субъективно-психический характер⁴⁸.

Для мозга свойственно экономить свои «вычислительные возможности». А потому важная информация запоминается, в то время как все второстепенное забывается. Кроме того, повторяющиеся события и реакции на них постепенно уходят в бессознательное, обеспечивая человеку существенную экономию вычислительных ресурсов. Для описания этого механизма, Э. Гуссерль ввел термин «седиментация», что значит «выпадение в осадок» опыта в виде стереотипов. Э. Шредингер назвал этот механизм «опытом нахождения в изменяющейся среде», высказав также мысль о том, что сознание «связано с *обучением* живой субстанции; ее ноу-хау (*Können*) бессознательно»⁴⁹. Тем самым, сознание «стремится избавиться» от мыслительной функции, передавая ее в подсознание, что представляется нам как механизм интуиции.

Но прежде разнообразных механизмов выпадения информации «в осадок», наверх из бессознательного развивается само сознание, процесс формирования которого проходит как на уровне онтогенеза, так и на уровне филогенеза. К.-Г. Юнг писал: «Наше сознание развилось и вышло – как исторически, так и индивидуально – из темноты и сумерек изначальной бессознательности. Посему имеются психические процессы и функции, которые были задолго

⁴⁴ Юнг К.-Г. Структура души / Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Академический проект, 2007. – С. 118.

⁴⁵ Юнг К.-Г. Отношения между я и бессознательным / Психология бессознательного. – М.: Канон+, 2003. – С. 213.

⁴⁶ Юнг К.-Г.. Дух и жизнь... – С. 247.

⁴⁷ Цит. по Лоренц К. Обратная сторона зеркала... – С. 450.

⁴⁸ Юнг К.-Г. Личное, сверхличное, или Коллективное бессознательное / Юнг К.-Г. Бог и бессознательное. – М.: Олимп, АСТ, 1998. – С. 295.

⁴⁹ Шредингер Э. Разум и материя. – Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2000. – С. 12–13.

до того, как наличествовало Я-сознание. „Иметь мысли“ – существовало прежде, чем человек сказал: „Я осознаю себя думающим“»⁵⁰. Действительно, «тот факт, что ребенок воспринимает еще до того, как начать мыслить, тот факт, что вначале он приписывает свои мечты вещам, а свои мысли – другим, образуя вместе с ними что-то наподобие единого целого совместной жизни, где их перспективы еще не различаются, – эти факты генезиса не могут так просто игнорироваться философией, исходя из требований собственного анализа, – отмечает М. Мерло-Понти. – Мышление не может игнорировать своей видимой истории и должно ставить проблему генезиса собственного смысла»⁵¹. Как показал К. Лоренц, это метафизическое предначало, в действительности, определяется опытом, накопленным в результате поколений эволюции и хранящимся в коллективном подсознательном⁵².

Итак, бессознательное играет существенную роль в обработке информации на всех стадиях жизни человека, на что наука обратила внимание в XX в. Поэтому необходимо учитывать его роль наряду с сознанием. Сразу следует сказать, что эффективность этих механизмов обработки информации существенно различна. Более эффективный механизм обеспечивает обработку более интенсивных потоков информации и, соответственно, большие субъективные размеры пространств, которые доступны человеку. Эта мысль вполне очевидна: человек начинает жизнь освоением пространства колыбели и заканчивает, нередко полагая себя «человеком мира». Повторим еще раз: подобная тенденция верна как для онтогенеза, так и для филогенеза. Р. Пенроуз в книге «Большое, малое и человеческий разум» приводит шкалу размеров, которыми оперирует человек⁵³. Пользуясь ею как одним из возможных объективных критериев, можно сделать соответствующие оценки для разных периодов истории.

Рассматриваемый процесс можно трактовать в контексте соразмерности человека осваиваемым им масштабам пространства: «Понимание есть в принципе нахождение меры между мной и тем, что я понимаю, – соизмеримость»⁵⁴. И пусть человек использует технические средства «масштабирования» для раздвижения границ картины мира, но сами средства появляются после того, как в них возникает потребность. Правомерен вывод: соизмеримость человека с расширяющимся (как в сторону увеличения масштаба, так и в сторону его уменьшения) пространством есть личностная предпосылка научного изучения.

Теперь обратим внимание на связь, существующую между внешним и внутренним пространствами рассматриваемой модели. Поскольку сознание «фильтрует» информацию, как поступающую из вне, так и поступающую изнутри, это позволяет предположить взаимный синхронизм развития внешнего и внутреннего пространств. Тем самым все три компонента рассматриваемой модели оказываются связанными между собой самым тесным образом. Иными словами, внешнему пространству должно соответствовать некоторое комплементарное внутреннее пространство.

Развитие сознания является латентным процессом, не доступным непосредственному наблюдению, процесс личностного становления мы замечать способны, но он, тем не менее, не является явным. Но между уровнем личностного развития и пространственными представлениями складывается отношение аргумента и функции. Соответственно переход от плоскост-

⁵⁰ Юнг К.-Г. Сознание, бессознательное и индивидуация / Юнг К.-Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп, АСТ, 1998. – С. 441–442.

⁵¹ Мерло-Понти М. Видимое и природа. Философское вопрошание / Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. – Мн.: Логвинов, 2006. – С. 21.

⁵² См. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Культурная революция, 2008.

⁵³ Пенроуз Р. Указ. соч. – С. 20.

⁵⁴ Мамардашвили М. К. Введение в философию / Мамардашвили М. К. Философские чтения. – СПб.: Азбука классика, 2002. – С. 15.

ного рисунка к трехмерному получает у Б. В. Раушенбаха объяснение достижением определенного уровня личностного развития⁵⁵.

Рассматривая диалектику души и тела Б. Спиноза в «Этике» отмечал, что «того, к чему способно тело, до сих пор никто еще не определил, т. е. опыт никого еще до сих пор не научил, к каким действиям тело является способным в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной, и к чему оно не способно, если только не будет определяться душой»⁵⁶. С тех пор многие авторы именно душу полагали движителем пространственных представлений. В этой связи интересным представляется определение души, которое давал М. К. Мамардашвили, – **«эксплицитное выявление условий интеллигибельности или понятности, которые предшествуют тому, чтобы мы вообще нечто могли видеть в терминах естественного целого или естественной необходимости»** [выделено мной – Д. М.]⁵⁷.

Итак, пространство (в том числе социальное), применительно к рассматриваемой пространственной модели человека, представляет собой связанное восприятие объектов и явлений внешнего мира, т. е. отражает способность человека к целостному мировосприятию. Но и относительно личности самые разные мыслители высказывали идею о том, что ее основу также составляет целостность и, в этом смысле, определяет вектор развития человека. Ф. Шиллер в двенадцатом из «Писем об эстетическом воспитании человека» писал, что личность есть «абсолютное и неделимое единство», которое «не может противоречить себе»⁵⁸. К.-Г. Юнг указывал на то, что «жизнь последовательно и поступательно движется в направлении индивидуации – пожизненного процесса, в ходе которого человек становится „психологическим индивидом, то есть отдельной неделимостью или „целостностью“»⁵⁹. Выдающийся отечественный психолог А. Н. Леонтьев высказывал следующее мнение: «...Немногие положения о личности принимаются, с теми или иными оговорками, всеми авторами. Одно из них состоит в том, что личность представляет собой некоторое неповторимое единство, некую целостность»⁶⁰.

К.-Г. Юнг полагал целостность высшей целью развития человека. И поскольку феномен цельной личности не совпадает с „я“, то есть с личностью осознаваемой, Юнг отделял его от „я“, вводя понятие „самости“, которая в силу своих эмпирических качеств являет собою эйдо (идею) всех главенствующих представлений о целостности и единстве. „Под „я“ понимается тот комплексный фактор, с которым соотносятся все содержания сознания. В определенном смысле он составляет центр поля сознания, а поскольку таковое охватывает собой всю эмпирическую личность, то „я“ выступает субъектом всех личностных актов сознания... Такая дефиниция описывает и определяет прежде всего *объем субъекта*. Конечно, теоретически положить **границы полю сознания** нельзя, поскольку оно может расширяться в неограниченной степени. Но **эмпирически его границы всегда задаются областью неизвестного**. Последнее состоит из всего того, о чем нет знания и что, следовательно, никак не соотносится с „я“ как центром поля сознания. Неизвестное делится на две группы объектов: чувственно воспринимаемые, внешние, и непосредственно воспринимаемые, внутренние фактические обстоятельства. **Первая группа представляет неизвестное как окружающий мир, вторая – его же как внутренний мир** [выделено мной – Д. М.]»⁶¹. Таким образом, в своем развитии чело-

⁵⁵ Раушенбах Б. В. Как мы видим сегодня / Раушенбах Б. В. Пристрастие. – 2-е изд. – М.: Аграф, 1997. – С. 106–107.

⁵⁶ Спиноза. Этика, ч. III, теорема 2, схолия. URL: <http://bdsweb.tripod.com/ru/eth/eth3.htm>, свободный.

⁵⁷ Мамардашвили М. К. Указ. соч. – С. 78.

⁵⁸ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека [Электронный ресурс]. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shiller=letters.htm>, свободный. – Заглавие с экрана.

⁵⁹ Цит. по: Крюков Д. С. К проблеме определения религиозной личности. – Religio. – 2004–2007. – Вып. 1. – С. 51–62.

⁶⁰ Леонтьев А. Н. Личность как предмет психологического исследования / Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Смысл, 2004. – С. 123.

⁶¹ Юнг К.-Г. Эон: Исследования о символике самости. – М.: Академический Проект, 2009. – С. 12.

век поэтапно движется от доличностного уровня в направлении полной реализации своих личностных качеств, что может быть представлено как достижение целостности внутреннего пространства. Синхронно этому процессу идет развитие пространственных представлений также в направлении их целостности. И за оба эти процесса отвечает сознание, что соответствует рассматриваемой модели.

Эффективность обработки информации сознанием и, соответственно, ширину горизонта социального пространства обеспечивают конкретные механизмы. „Очки“, через которые мы смотрим на мир, – писал К. Лоренц, – такие **формы нашего мышления и созерцания, как причинность, вещественность, пространство и время, – суть функции нашей нейросенсорной организации**, возникшей в целях сохранения вида [выделено мной – Д. М.]»⁶². На тот же механизм указывает В. Д. Шинкаренко: **«Восприятие пространства и времени... напрямую связано с развитием головного мозга и формированием нейронных структур** [выделено мной – Д. М.]»⁶³. Нейросенсорная основа организации мышления позволяет обнаружить в рассматриваемой динамике пространственного восприятия, помимо количественной, также качественную составляющую. Немецкий психолог Ф. Кликс описывал процесс развития мыслительных механизмов следующим образом: «Самым существенным результатом мышления... является образование и фиксация в памяти различного уровня абстракций. Подобно ступенькам лестницы, обозначения способствуют введению все более абстрактных понятий. **По мере того, как достигаются все более высокие (более абстрактные) уровни, человеческое познание охватывает все более обширные области реальности** [выделено мной – Д. М.]»⁶⁴. Действительно, как отмечал еще американский философ и социолог Дж. Дьюи, факт тесной связи между абстракцией и обобщением известен давно – «обобщение... переносит и расширяет»⁶⁵. *Обобщение*, происходящее благодаря повышению степени абстракции мышления, обеспечивает более плотную «упаковку» информации, что позволяет расширять границы воспринимаемой действительности.

III

Произведем экспликацию понятия пространство и введем соответствующие обозначения. При этом будем опираться на методологически важную идею И. Канта о пространстве как априорной форме рассудка. Очевидно, с априорной формой рассудка можно сопоставить соответствующую *форму чувственности, наглядности*, содействующую более глубокому пониманию содержания категории «социальное пространство».

Поскольку пространство характеризуется вторичностью восприятия по отношению к расположенным в нем объектам⁶⁶, в рассматриваемом контексте – для большей наглядности – его целесообразно отождествить понятием *множества*, составленном из объектов и явлений материального мира. Обозначим это множество **Б**. Множество **Б** обладает мерой размерности, описывающей распределение *объектов и явлений*. Обозначим эти объекты и явления символом **О**.

В соответствии с положениями, сформулированным нами выше, пространственность есть характеристика целостности отражения множества **Б** сознанием.

$$m(\mathbf{B}) = \mathbf{B}^m_i$$

⁶² Лоренц К. Обратная сторона зеркала... – С. 318.

⁶³ Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Игра, ритуал, магия. – Изд. 2-е. – М., 2010. – С. 150–151.

⁶⁴ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М.: Прогресс, 1983. – С. 13.

⁶⁵ Дьюи Дж. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 124.

⁶⁶ Ясперс К. Общая психопатология. – М.: Практика, 1997. – С. 113.

где m – *мышление*, понимаемое как «высшая форма активного отражения объективной реальности, состоящая в... познании субъектом существенных связей и отношений предметов и явлений, в творческом созидании новых идей, в прогнозировании событий и действий»⁶⁷.

m имеет следующие характеристики отражения:

переводит объекты в объекты;

переводит связи в связи.

Поскольку m ограничено, то при осуществлении операции отражения, как объекты, так и связи частично утрачиваются. Следует говорить о вероятностях объектов и явлений, а связь между ними понимать, как корреляцию. Такой подход реализует информатика (в шенноновском варианте). Функция автокорреляции равна нулю при полностью беспорядочном явлении и стремится к единице, если это явление полностью организовано, т. е. бесконечно предсказуемо. «Понятие средней автокорреляции имеет большое значение во всех случайных явлениях, ибо выражает внутреннюю взаимосвязанность, а, следовательно, способность образовывать структуры...»⁶⁸.

ρ -связь — это взаимообусловленность существования явлений, разделенных в пространстве и (или) во времени. «Связь – средство приобщения объектов друг к другу»⁶⁹.

Теперь определим *связность* – C — как наличие хотя бы одной связи/связей между объектами множества \mathbf{B} .

$\deg(\mathbf{O}_i)$ – *Степень связности* — число связей в которых участвует \mathbf{O} .

В таком случае *целостность* – \mathbf{C} — полнота отражения множества \mathbf{B} в \mathbf{B}^m .

Рассмотрим, каким образом мышление m формирует связность отраженного множества \mathbf{B}^m_i . Предположим для m_i следующие значения:

$$m = \begin{bmatrix} m_0 \\ m_1 \\ m_2 \\ m_3 \end{bmatrix}$$

$$m = m_0 \times m_1 \times m_2 \times m_3$$

m_0 – исходное начальное состояние, для которого $\deg(\mathbf{O}) = 0$.

m_1 – состояние, для которого $\deg(\mathbf{O}_i) = 1$

m_2 – состояние, для которого $\deg(\mathbf{O}_i) = 2$

m_3 – состояние, для которого $\deg(\mathbf{O}_i) = 3$

Вероятно, можно предположить и более высокие уровни связности, но их визуальное представление оказывается затруднительным, и рассматриваемая нами гипотеза, обращения к таким уровням не предусматривает.

Минимальному уровню связности мышления m соответствует доминирование объектов над их совокупностью как целым. В такой ситуации понятие о целостности множества \mathbf{B}^m_i не возникает. Каждый объект воспринимается индивидуально. Общее количество воспринимаемых объектов в любой текущий момент времени ограничено предельной скоростью воспри-

⁶⁷ Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 382–383.

⁶⁸ Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. – М.: Мир, 1966. – С. 118.

⁶⁹ Современный философский словарь. – 2-е изд / Под общей ред. В. Е. Кемерова. – 1998. – С. 769–771.

ятия информации⁷⁰, а в долгосрочной перспективе – объемом памяти и других психических ресурсов человека, связанных с накоплением и обработкой информации. «Отсутствие структуры, внутренней организации эквивалентно слишком большому поступлению оригинальной информации»⁷¹. Информационное ограничение, имеющее место в этой ситуации, определяет размер B^m_0 , что можно трактовать как минимальный размер пространства, доступный сознанию человека. Можно предположить, что это минимальное пространство представляет собой *ближнюю зону*. В силу описанного ранее информационного ограничения, размер ближней зоны можно связать с мерой информации. В качестве обоснования такой меры сделаем предположение, что объем информации, который человек в состоянии обрабатывать (пропускная способность системы) на всех стадиях развития приблизительно постоянен, а реальное увеличение потока информации происходит за счет ее концентрации. Такая концентрация обеспечивается механизмами сжатия информации с утратой второстепенных деталей, что понимается как *абстракция*. Соответственно, на каждом следующем уровне абстракции целостность отражения множества B будет возрастать. Соответственно будет возрастать связность и количество отраженных объектов.

Механизм, посредством которого устанавливаются первые связи между двумя объектами внешнего и/или внутреннего пространства – *ассоциация*. Она носит случайный характер и ее результаты наглядно видны на уровне бытового и традиционного мышления. Селекция этих связей по принципу достоверности осуществляется путем естественного отбора. Но в любом случае, для уровня m_1 можно говорить о формировании элементарных структур сознания. «Создать элементарную форму – это значит обеспечить сообщению избыточность, или предсказуемость... Поскольку это предвидение носит только статистический характер, оно не может быть абсолютным, но оно имеет количественное выражение. Существует *степень предсказуемости*, которая представляет собой не что иное, как **степень связности данного явления с другими явлениями**... [выделено мной – Д. М.]»⁷². Для m_1 – это одномерная элементарная форма.

Повышение степени связности до двух $\deg(O_1) = 2$ означает формирование связностей второго уровня, обеспечивающих более высокий уровень абстракции. Связи второго уровня имеют вид двумерных форм. Троичная связность $\deg(O_1) = 3$, при заполнении всех узлов, предполагает формирование элементарной структуры сознания m_3 на основе трехмерных объемных форм.

Таким образом, морфогенез элементарных структур сознания, свидетельствует о том, что их **дискретно увеличивающаяся сложность реализуется в виде последовательности элементарных пространственных форм возрастающей размерности** — точка, линия, плоскость и, наконец, трехмерная связность реализуется в виде объемной фигуры – пирамиды.

Выявленный механизм можно понимать как фундаментальную закономерность структурирования системы мышления, которая, с одной стороны, определяет уровень личностного (психического) развития человека, а с другой – работы с формами внешнего мира. Чаще всего обращают внимание на гносеологический аспект рассматриваемой проблемы. Действительно, «процесс объективации возможен лишь как результат соотношения внутренней структуры психического состояния с внешней структурой предмета, вызвавшего это состояние, благодаря чему субъективное переживание психики воспринимается как структура самого объекта»⁷³. Но сознание как информационная деятельность представляет собой сложную структуру, вклю-

⁷⁰ Моль А. Указ. соч. – С. 111.

⁷¹ Моль А. Указ. соч. – С. 114.

⁷² Там же.

⁷³ Арлычев А. Н. Сознание: информационно-деятельностный подход. – М.: КомКнига, 2005. – С. 44.

чающую три основных компонента: процесс познания, процесс создания идеальной модели и процесс информационного предварения в ходе реализации практического действия. Так что тот же механизм отвечает и за создание форм продуктов творческой деятельности человека. В результате нельзя не согласиться с мнением С. М. Белозерова, который в своем исследовании организации внутреннего мира человека и общества пишет следующее: «Сознание каждый раз обеспечивает определенный уровень обобщенности психического материала, на котором он организуется в композицию – устойчивую психологическую систему, моделирующую поведение, деятельность или жизнь человека в целом. Только на определенном индивидуальном уровне обобщения образуются мыслеформы, чувствоформы и смыслообразы, которые „собирают“ необходимый им для объективации материал и выстраиваются относительно друг друга в психологическую композицию, регулирующую процесс объективации в ходе поведения, деятельности и жизни в целом»⁷⁴.

Взаимодействие человека с внешним миром – это процесс, в котором присутствует способность воспринимать и понимать данность, а с другой – творить собственную реальность, отражая в ней свой внутренний мир. Первое относится к сфере гносеологии; второе – рассматривается; скорее, как сфера творческой практики и ассоциируется со способностями человека и уровнем его развития. Но фактически это два аспекта представляющие собой стороны одной медали, хотя первичным следует считать процесс познания⁷⁵.

Н. Луман, рассуждая об аутопойесисе сознания, полагал, что тот реализуется в виде неких «ожиданий», смысл которых он понимал как «форму ориентации, с помощью которой система прощупывает контингентность своего окружающего мира в отношении себя самой и включает ее в качестве собственной неопределенности в процессе аутопойетической репродукции»⁷⁶. В таких ожиданиях Луман видел обоснование эпизодов движения сознания по мере завершения последних. Иными словами, динамика развития механизмов мышления реализуется в процессе поиска форм пространственности внешнего мира, «резонансных» структурам самого сознания. Так что речь идет о системе с обратной связью, в которой контроль процесса обеспечивается совпадением управляющего сигнала – «ожидания» с формой, получаемой на некотором «промежуточном финише» аутопойесиса – самоорганизации и самопроизводства сознания.

М. К. Мамардашвили разбивал процесс развития сознания на два этапа, используя для их описания близкое лумановскому «ожиданию» выражение «мысленная неизбежность», которая разрешается изобретением и развитием формы, и «возможная мыслимость», представляющая реализацию изобретенной формы⁷⁷. Тем самым, не случайно, анализируя механизм формирования структур сознания, М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, констатировали, что «структура сознания представляется нам каким-то чисто „пространственным“ образом существования сознания»⁷⁸.

Понимая изобретение формы и ее реализацию как эксперимент «бытийно-личностный», Мамардашвили развивает результаты своего «мысленного эксперимента», вводя личностный аспект, т. е. внутреннее пространство человека в терминологию настоящего исследования. Тем самым оказываются связанными между собой все три компонента, рассматриваемой нами модели. Эта связь определяет синхронное развитие этих компонентов, а потому целесообразно сопоставить приведенные рассуждения, касающиеся сознания, с мыслями, высказывавшимися об эстетической деятельности, фиксирующей, в первую очередь, содержания внутрен-

⁷⁴ Белозеров С. М. Указ. соч. – С. 61.

⁷⁵ Арлычев А. Н. Указ. соч. – С. 67.

⁷⁶ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – С. 352.

⁷⁷ Мамардашвили М. К. Стрела познания (набросок естественно-исторической гносеологии). – М: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 28.

⁷⁸ Мамардашвили М. К. Символ и сознание... – С. 58.

него мира человека. П. Флоренский писал о «композиции», которая представляет собой схему пространственного единства произведения. Этой «композицией характеризуется внутренний мир самого художника, строение его внутренней жизни»⁷⁹. В этом Флоренский практически точно интерпретирует слова выдающегося советского психолога А. Н. Леонтьева, который в качестве эстетической понимал деятельность, единственную отвечающую «задаче открытия, выражения и коммуникации личностного смысла действительности, реальности»⁸⁰, т. е. транслирования информации о внутреннем пространстве человека-творца, посредством упаковки ее в форму художественного произведения. В результате подобного информационно-коммуникационного процесса структура внутреннего мира автора, пространственная «композиция» его души, спроецированная в структуру произведения, на этапе эстетического потребления резонансно «дешифруется» структурой внутреннего мира перцепиента.

Вне зависимости от степени обобщенности, с которой цитированные выше авторы подходят к понятиям «композиция» или «форма», ясно, что их трактовка подтверждает нашу гипотезу: сознание, действующее как фильтр, генерирует базовые пространственные структуры, обеспечивающие усложняющиеся упорядочивания информации, которые для внутреннего пространства обретают вид обобщенных устойчивых психических структур, а для внешнего – конструкторов внешних форм. «...Нужно заглянуть в форму, и тогда организуется хаос», – говорил М. К. Мамардашвили⁸¹.

В этом контексте числа 0, 1, 2, 3 приобретают смысл инвариантов самоорганизации и эволюции системы или, как называет их Э. М. Сороко, «узлов вероятности» или «*обобщенных золотых сечений* (ОЗС)»⁸², которые определяют фазы развития человека как динамической системы. Тем самым получают уточнение идеи Н. Лумана об ожиданиях как стадиях аутопойесиса. Являясь инвариантами самоорганизации и эволюции человека, эти числа определяют не только динамику пространственных форм продуктов творческой деятельности человека, но и – через симметричное структурирование внутреннего пространства – этапы его личностного развития. Причем личностное развитие представляется приоритетным, поскольку «наши внешние абстракции, те, которые совершаются в поле внешнего наблюдения, должны учитывать факт... неразделимости внутреннего экранирования, или индивидуации, сознательными формами самих себя и внешнего пространства их наблюдения»⁸³. При этом Э. М. Сороко сумел математически связать инварианты самоорганизации с рядом особых точек на возрастной шкале человека: «Они служат водоразделами возрастных фаз развития организма: в них завершается становление *определенного состояния* человека как целостности, *качественный этап* формирования личности, и начинается другой»⁸⁴. При этом отмеченные этапы хорошо совпадают с данными личностной психологии, которая каждый раз фиксирует их как этапы, связанные с появлением определенной способности к логическому мышлению⁸⁵.

Чтобы зафиксировать эти инвариантные отношения, порождаемые структурами сознания, нами было предложено ввести понятие «парадигма пространственной многомерности» (далее – ППМ)⁸⁶. Если научная парадигма определяется эволюционными процессами,

⁷⁹ Флоренский П. Указ. соч. – С. 122.

⁸⁰ Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства / Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. – М.: Психология 1983. – С. 237.

⁸¹ Мамардашвили М. К. Пятигорский А. М. Указ. соч. – С. 78.

⁸² Сороко Э. М. Культура как антиэнтропийный процесс: гармония разнообразия / Системные исследования культуры. 2008. – СПб.: Алетей, 2009. – С. 32.

⁸³ Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – С. 107.

⁸⁴ Сороко Э. М. Указ. соч. – С. 39.

⁸⁵ См. напр. Доналдсон М. Мыслительная деятельность детей. – М.: Педагогика, 1985.

⁸⁶ Впервые опубликовано в *Вестнике Эланда*. – 2000. – № 2. – С. 26–40.

манифестацией которых является динамика пространственных представлений, то ППМ представляет собой фундаментальный параметр, *«некоторое упорядочение во времени, само являющееся способом извлечения порядка – порядок порядков»*⁸⁷. Смысл введения нового термина заключается в том, чтобы точнее показать связь между формообразованием физического и социального пространств.

ППМ абстрагирует качество пространственности, а потому описывает уровень целостности сознания и обеспечиваемого им мировосприятия, а потому задает научную парадигму в куновском смысле (как совокупность представлений, положений, законов и правил и проч.). ППМ – это своеобразный алгоритм мышления (ср. кантовское: пространство – априорная форма рассудка), некая кристаллическая решетка, которая отражает развитие психики человека, а, соответственно, форму и внутреннее содержание продуктов его творческой деятельности. «Любые законченные организованные образования в психике – теории, каноны, уравнения, философские системы, физические модели, композиции художественных, музыкальных произведений и т. д. – подчиняются основным законам композиции – устойчивой формы организованного существования отраженного и порожденного материала в психике человека. Более того, самым своим существованием все эти объективные (подтвержденные практикой) формы проявления структуры психики – теории, произведения, формулы, системы управления и т. д. – раскрывают и подтверждают законы организации материала в психическом пространстве. Изучая объективные формы проявления организованного материала психики, мы изучаем законы организации психологического пространства человека»⁸⁸. Число размерностей ППМ определяет качество мировоззренческой картины человека, качество создаваемых им продуктов в различных сферах жизни и качество самого человека, фиксируя уровень его личностного развития. **Парадигма пространственной многомерности – это мера, которая объединяет количественный и качественный аспекты бытия.**

Наделяя продукты своей творческой деятельности формой и содержанием, человек неизбежно фиксирует в них свои текущие пространственные представления. В результате произведения искусства, политические, социальные, экономические, естественнонаучные модели, а также религиозные представления в пространственном отношении являются точными слепами с их автора, отражая уровень его развития. Универсальность и объективность выявленной закономерности предоставляет возможность для широких и научно достоверных междисциплинарных обобщений⁸⁹.

Таким образом, введенное понятие «пространственная парадигма» выполняет функцию посредника между объективными структурами и индивидуальными действиями, являясь одновременно результатом интериоризации внешних условий и средством экстериоризации бессознательных схем восприятия и действия, осуществления индивидуальных практик. Фактически оно выполняет ту же функцию, которой П. Бурдьё наделял вводимое им понятие «габитус», но в отличие от последнего, реализует более высокий уровень абстракции. На значение повышающихся уровней абстрагирования обращали специальное внимание М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский в своем исследовании структур сознания: «...Это обобщенное описание дает нам содержательные предметы, идеальные объекты, мотивации, отсчет вторичных процессов, т. е. саму работу, всегда совершающуюся во вторичных процессах, то развертывание,

⁸⁷ Мамардашвили М. К. Стрела познания... – С. 170.

⁸⁸ Белозеров С. М. Указ. соч. – С. 99.

⁸⁹ Михалевский Д. В. Пространственные представления как объективный критерий оценки нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции / Материалы XIX Международной научной конференции «Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции». – СПб., 2006. – С. 30–33; Михалевский Д. В. Пространственные представления как объективный критерий оценки историко-культурных процессов. Закон повышения размерности восприятия пространства // Клио. – СПб., 2006. – № 1 (32). – С. 21–31; Mikhalevski D. The Periodic Law of the Development of Culture. – Ars Interpres. Stockholm-New-York-Moscow, 2006. – № 6–7, (September). – PP. 47–50; Михалевский Д. В. «Периодический закон развития культуры» // Сцена. – 2005. – № 4 (36). – С. 54–57.

которое индивидуальный психический механизм совершает с материалом сознания, когда этот механизм в нем находится»⁹⁰.

Выводы

Предложена и рассмотрена пространственная модель человека, которая включает внешнее и внутреннее пространства, а также сознание, как опосредующий механизм взаимосвязи этих пространств.

Внешнее пространство понимается как воспринимаемый фрагмент реальности, форма которого определяется развитием человека и потому связана с «социальностью». Трактующее таким образом понятие «внешнее пространство» – это субъективная реальность, являющаяся социально-психологическим отражением бытия в сознании. Внутреннее, духовное пространство – это внутренний мир человека, связанный с личностным развитием. Сознание в этом контексте рассматривается как набор механизмов мышления, что позволяет выявлять в нем пространственные структуры. Как показал анализ, эти структуры связаны с уровнями абстракции мышления и в развитии образуют последовательность наглядных геометрических образов – точка, линия, плоскость, объемная фигура (пирамида, куб и др.), что позволяет ввести в научный оборот понятия «социальная точка», «социальная линия», «социальная плоскость», «социальный объем» (или «точка социального пространства», «линия социального пространства», «плоскость социального пространства», «объем социального пространства»).

Эти структуры определяют механизмы познания и формотворчества человека. Тем самым произведения искусства, политические, социальные, экономические, естественнонаучные модели, а также религиозные представления в пространственном отношении являются точными слепами с их автора, отражая уровень его развития.

Учитывая значимость выявленной закономерности, диссертантом вводится понятие «пространственная парадигма», которая имеет смысл универсальной характеристики описания гносеологического и онтологического аспектов бытия человека и социальных структур, обеспечивающая интериоризацию внешних условий и являющаяся средством экстериоризации схем восприятия и действия, форм и практик социально-культурной жизни, позволяющая сформировать наглядный геометрический образ для представления таких форм.

Поскольку пространственная парадигма выполняет функцию посредника между объективными структурами и индивидуальными действиями, являясь одновременно результатом интериоризации внешних условий и средством экстериоризации бессознательных схем восприятия и действия, осуществления индивидуальных практик, она выполняет ту же функцию, которой П. Бурдьё наделял вводимое им понятие «габитус», но в отличие от последнего, реализует более высокий уровень абстракции.

Библиография

- Арлычев А. Н. Сознание: информационно-деятельностный подход. – М.: КомКнига, 2005.
Белозеров С. М. Организация внутреннего мира человека и общества. Теория и метод композиций. – М.: Алетейя, 2002.
Бурдьё П. Fieldwork in philosophy / Бурдьё П. Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos, 1994.

⁹⁰ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Указ. соч. – С. 68.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов / Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Бурдые П. Физическое и социальное пространства / Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Дьюи Дж. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001.

Доналдсон М. Мыслительная деятельность детей. – М.: Педагогика, 1985.

Ильенков Э. В. Истоки мышления; Диалектика идеального. Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М.: Прогресс, 1983.

Крюков Д. С. К проблеме определения религиозной личности. – Religio. – 2004–2007. – Вып. 1. – С. 51–62.

Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства / Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения; В 2 т. Т. 2. – М.: Психология 1983.

Леонтьев А. Н. Личность как предмет психологического исследования / Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Смысл, 2004.

Лоренц К. Обратная сторона зеркала / Лоренц К. Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007.

Мамардашвили М. К. Стрела познания (набросок естественно-исторической гносеологии). – М.: Языки русской культуры, 1997.

Мамардашвили М. К. Введение в философию / Мамардашвили М. К. Философские чтения. – СПб.: Азбука классика, 2002.

Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. (Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке). – М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009.

Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010.

Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003.

Мерло-Понти М. Видимое и природа. Философское вопрошание / Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. – Мн.: Логвинов, 2006.

Михалевский Д. В. Пространственные представления как объективный критерий оценки нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции / Материалы XIX Международной научной конференции «Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции». – СПб., 2006. – С. 30–33.

Михалевский Д. В. Пространственные представления как объективный критерий оценки историко-культурных процессов. Закон повышения размерности восприятия пространства // Клио. – СПб., 2006. – № 1(32). – С. 21–31.

Mikhalevski D. The Periodic Law of the Development of Culture. – Ars Interpres. Stockholm-New-York-Moscow, 2006. – № 6–7, (September). – P. 47–50.

Михалевский Д. В. Периодический закон развития культуры // Сцена. – 2005. – № 4 (36). – С. 54–57.

Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. – М.: Мир, 1966.

Пенроуз Р. Большое малое и человеческий разум / Р. Пенроуз, А. Шимони, Н. Кетрайт, С. Хокинг. – М.: Мир, 2004.

Раушенбах Б. В. Как мы видим сегодня / Раушенбах Б. В. Пристрастие. – 2-е изд. – М.: Аграф, 1997.

Современный философский словарь. – 2-е изд / Под общей ред. В. Е. Кемерова. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск, 1998.

Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность / Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер с англ. – М.: Политиздат, 1992.

Сороко Э. М. Культура как антиэнтропийный процесс: гармония разнообразия / Системные исследования культуры. 2008. – СПб.: Алетейя, 2009.

Спиноза. Этика, ч. III, теорема 2, схолия. URL: <http://bdsweb.tripod.com/ru/eth/eth3.htm>.

Филиппов А. Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы [Электронный ресурс] // Логос. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html, свободный. – Заглавие с экрана.

Филиппов А. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. – 2002. – № 6 (7).

Филиппов А. Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008.

Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989.

Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993.

Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека [Электронный ресурс]. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shiller=letters.htm>, свободный.

Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Игра, ритуал, магия. – Изд. 2-е. – М., 2010.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1: Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993.

Шредингер Э. Разум и материя. – Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2000.

Юнг К.-Г. Бог и бессознательное. – М.: Олимп, 1998.

Юнг К.-Г. Отношения между я и бессознательным / Психология бессознательного. – М.: Канон+, 2003.

Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Академический проект, 2007.

Юнг К.-Г. Эон: Исследования о символической самости. – М.: Академический проект, 2009.

Ясперс К. Общая психопатология. – М.: Практика, 1997.

Периодизация развития человека на основе парадигмы пространственной многомерности

I

Развитие человека связано в первую очередь с развитием его сознания. А последнее определяется эффективностью механизмов мышления, и сводится, по сути, к последовательному преодолению изначальных ограничений. Одно из таких ограничений связано с количеством объектов, которые человек способен удерживать в поле внимания. Емкость поля внимания определяется объемом рабочей (или кратковременной) памяти. Одним из первых на существование такого ограничения указал американский психолог Дж. А. Миллер⁹¹

⁹¹ Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс-минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию. Интернет-ресурс: <http://kargopolovspb.ru/library/pub-lib/128-miller-chislo7.html>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.